

18+

Смерть заберет с собой осень

冬来たりなば
春遠からじ

ЭММА РИД
ДЖОНСОН

Эмма Рид Джонсон
Смерть заберет с собой осень
Серия «Книжный клуб Мирай»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69712639

Смерть заберет с собой осень: Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-153231-4

Аннотация

Хагивара Акира, двадцатилетний студент Токийского университета, смертельно болен. У него есть учеба, друзья, любящие родители... и вечно преследующее его чувство безысходности.

Когда он решает покончить со всем и отправляется на железнодорожную станцию, его спасает незнакомец. Но как только Акира пытается забыть этот инцидент, спаситель вновь появляется в его жизни – чтобы помочь принять себя и будущее.

Акира не понимает, чем заслужил помощь. Особенно когда выясняет: спасший его зимним вечером незнакомец – вовсе не человек...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	50
Глава 4	65
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Эмма Рид Джонсон

Смерть заберет с собой осень

*Посвящается трем самым прекрасным
девушкам в моей жизни: Свете Кель, Насте и Тане.*

Без вас я бы опустила руки вместе с Акирой.

愛している

(люблю вас)

Copyright © Эмма Рид Джонсон, 2023

© Lanawaay, иллюстрации в блок

© Reachu, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

ПЛЕЙЛИСТ

Overdose – Grandson

Måneskin – Coraline

Palaye Royale – Tonight is the night I die

Grandson – WWII

Хаски – Отопление

Missio – Wolves

Marina and the diamonds – Savages

Mujuice – Кровь на танцполе

Пионерлагерь Пыльная Радуга – Пластилиновая
армия

Sizor – Симуляция

ExciterGP – Уходят умирать в зиму

Леро4ка – Бракованный дуэт

Увула – Тайна

Буерак – Неважно

Palaye Royale – Lonely

Глава 1

Смирение – это та стадия, которая у меня быстрее всего наступает.

Heavy R.

– Не смотри так на меня! – шутливо отозвался он, подпирая голову рукой. – Мне даже добавить нечего!

– Асахи! – предупреждающе шикнула на него жена.

Тот только пожал плечами, продолжая буравить меня своими тёмными, точно ночь, глазами, и от этого взгляда мне сделалось неудобно. Мне в принципе было некомфортно сидеть с Асахи под одной крышей, есть его еду и слушать про его успехи на работе, но и проигнорировать его предложение приехать было нельзя, ведь наша с ним мать отчаянно верила, что мы невероятно дружные братья, готовые стоять друг за друга горой. Так-то оно, конечно, так, но из нас двоих именно Асахи – настоящий боец, способный преодолеть любую преграду и спасти всех из безвыходного положения. Что вгоняло в тоску, ведь все лавры всегда доставались именно ему, и на фоне брата я ничем не выделялся. Это меня и злило. Я не хотел видеть в нём конкурента, но по-другому завоевать родительское признание и уважение не выходило. Да что уж там, до сих пор так и не вышло.

– Слушай, может, ты переночуешь у нас? – вновь встряла

в разговор его жена. Она задумчиво глядела в окно, в пульсирующую черноту ночи, где всюду разбушевалась метель. – Сплошные аномалии, ужа-а-ас!

– Да уж, даже в прогнозе не обещали такой метели. – Асахи шумно выдохнул, заглядывая в свой смартфон. – Лишь бы пути не перекрыли до города.

– Да ещё и пальто у тебя совсем холодное для такой погоды, – обратилась она ко мне, поджимая пухлые губы. – Ещё заболеешь, что в твоём... – Она неуверенно сморщила хорошенькое личико, внимательно следя за моей реакцией: боялась ненароком обидеть, что было весьма мило с её стороны. – В твоём положении не очень разумно, вот.

– Угу-угу, – согласился с ней брат, всё ещё читая что-то в телефоне. – Ну так что? Комнату предоставим, родителям напишу, они только рады будут! – Асахи наконец отложил телефон. – К тому же мы с тобой так долго не виделись, я ведь не смог приехать, когда... – Он тоже замялся, виновато переводя взгляд с меня на пустую тарелку из-под карри. – В общем, ты меня понял.

Я уж думал, они никогда не замолчат. Несмотря на то что их было всего двое, было стойкое ощущение, будто я сидел в переполненном зале, окружённый со всех сторон толпой.

Может, особого желания идти в метель к станции у меня и не было, но я чувствовал, что провести ещё несколько часов в их обществе я бы не смог. Мне срочно требовались тишина и покой.

– Простите, но у меня ещё много дел для университета, поэтому я всё же поеду.

Брат не выглядел ни расстроенным, ни удивлённым. Вероятно, он догадывался, что я отвечу именно так, а потому его следующие слова меня несколько не удивили:

– Что ж, следующий поезд будет через двадцать минут, тебя проводить до станции?

– Не стоит. – Я лишь тряхнул головой, поднимаясь со своего места.

Толстый серый кот с пятнами белой шерсти на лапках недовольно сполз с моих колен. Он посмотрел на меня как на ничтожество и, резко дёрнув хвостом, вальяжно ушёл куда-то вглубь дома. Вскоре до моего слуха донёлся скрежет когтей по кошачьему лотку, а после кот громко завыл и мяукал до тех пор, пока жена моего брата не окликнула его.

– Умница, Момо! – она выкрикнула это настолько резко, что я чуть пошатнулся, завязывая шнурки своих ботинок. – Ой, прости, – хихикнула она, прикрывая рот ладошкой, когда заметила мою реакцию. – Просто иначе он устроит нам целое представление.

– Ничего, – дёрнул плечами я, доставая из гардероба своё пальто.

– Может, ты всё же передумаешь и останешься? – Она решила завязать мне шарф, поэтому я был вынужден смотреть на неё с близкого расстояния.

С чересчур близкого.

Безусловно, она была красивой.

Хотя представления о красоте в последнее время у меня размылись, а вкусы у нас с братом кардинально различались практически во всех аспектах наших жизней, но его жена – Мэй – была воплощением идеала. Нет, не так. Она была настолько красива, что наверняка в школе имела небывалую популярность, однако красота эта казалась даже приторной: немного смазливая и гиперболизированная. Гиперболизированная в том плане, что таких *считали* эталоном современной красоты, но не было в них толком ничего особенного. Обычная, но при этом нет. Непонятная мне переменная, которая стала небольшой частью моей жизни, и я ещё толком не понимал, как стоило к ней относиться.

– Ладно. – Она заметила, как я смущённо поджал губы. – Надеюсь, ты ещё заглянешь к нам.

– Угу, – буркнул я.

– Без шуток, – Асахи протянул руку для рукопожатия, – мы тебе всегда рады.

Вложил свою бледную ладонь в его, но вместо того, чтобы быстренько попрощаться, он с силой притянул меня к себе в жалкой попытке обнять. Несколько раз похлопав меня по спине, от чего я обречённо выдохнул, он всё же отпустил меня.

– Годы идут, а ты не меняешься, братишка. – Асахи потрепал меня по голове, пытаясь подавить смешок. – Ладно-ладно, не будем больше задерживать, а то ещё опоздаешь.

После прогретого дома улица напомнила мне камеру пыток или холодильник. Не хотел себя сравнивать ни с заключённым, ни с замороженной курицей, но иначе не выходило. Хлопья снега вместе с грубыми ледяными порывами ветра хлестали меня по той части лица, что осталась не спрятанной под шарфом. Линзы очков быстро запотели от моего горячего дыхания, а руки больно закололо от холода, поэтому шёл я буквально наобум, пытаясь хотя бы примерно вспомнить, как двигался от станции к их дому.

Вокруг не было ни души. Асахи с женой жили в пригороде, и этот район считался невероятно хорошим для жизни семейных пар. С каждым годом он всё больше разрастался, притягивая к себе молодые семьи, а потому в такую темень все сидели либо дома, либо на работе – третьего не дано.

В окнах горел свет, и в них двигались размытые силуэты людей, а меня пробрали ужасающая тоска и страх. Ещё толком не понимал, что из этого конкретно и почему: не смогу стать лучше брата? Не обзаведусь собственной семьёй? Разочарую родителей? Заставлю маму плакать?

Нет, с последним пунктом я уже оплошал. Из-за меня она выплакала столько слёз, что вполне можно было бы затопить весь Токио.

Станция оказалась ближе, чем я думал. Когда шёл к брату, то казалось, что дорога заняла целую вечность, а теперь – пару минут. По левую руку был комбини¹. Я слегка по-

---

¹ Комбини (от англ. convenience store) – это японский минимаркет со всем необ-

морщился, не совсем понимая, почему остановился напротив его дверей, но, решившись поддаться искушению, вошёл в тёплый магазинчик.

– Добро пожаловать! – с широкой улыбкой поклонилась молоденькая девушка примерно одного со мной возраста.

Вместо того чтобы произнести что-то внятное, я кивнул ей в ответ, стараясь как можно быстрее скрыться за полками с продуктами. Совершенно не понимал, что мне было нужно, а потому взял то, что первым попало под руку: упаковку чипсов, журнал с какой-то поп-группой и... пиво.

За все свои двадцать лет я ни разу не пил ничего алкогольного и действительно не знал, почему моя рука потянулась к ярким баночкам. Взял сразу три. Показалось, что это наилучший вариант, хотя умом осознавал, что пить в одиночестве где-то далеко от дома в метель было бы безрассудно и опасно. Наверное, именно эти два фактора меня и подбили.

– Спасибо за покупку! – всё с такой же широкой улыбкой произнесла девушка на кассе, пока я собирал свои немногочисленные покупки в рюкзак. – Приходите ещё!

Закинув его на плечо, я поспешил выйти из магазина. До поезда оставалось минут десять. На платформе было пусто, и только белоснежный снег укрыл всё вокруг одеялом. Сел на заснеженную скамейку, вскрывая первую банку пива, и

ходимым. Там можно купить продукты и готовую еду, зонт, канцелярские принадлежности, оплатить счета за электричество и интернет, распечатать доклад в университет и поболтать с продавцом.

задумчиво смотрел на то, как снежинки крутились в ослепительном холодном свете фонарей. Если красоту жены брата я оценить по достоинству не мог, то это – вполне.

Мы с родителями жили в Токио, а потому снега практически и не видели. Он выпадал от силы пару раз за весь сезон и таял настолько стремительно, что, вместо того чтобы слепить снеговиков, легче было попрыгать по лужам, но это... Это было потрясающе.

Не удержался, достал телефон и сделал на него несколько незамысловатых снимков. Просто на память. Или для того, чтобы запечатлеть хоть что-то красивое напоследок, если, конечно, конец наступит чуть раньше положенного. В моём случае это было возможно.

Не заметил, как осушил первую банку и приступил ко второй. Пиво казалось безвкусным, точно я пил воду. Пустую спрятал во внешнем кармане рюкзака, попутно доставая из его недр тот самый журнал. Пробежался по нему глазами, быстрыми и мелкими глотками отхлёбывая из жестяной банки, казавшейся на таком холоде раскалённой. Статьи были глупыми и сухими, и из интересного нашёл для себя только бестолковый тест с ответами типа «да» и «нет». Выяснилось, что из всех членов группы, что была на обложке, мне бы подошёл патлатый участник с широким ртом и пухлыми губами. Он был главным в танцах и любил *осень*. От этого совпадения я даже не смог удержаться и усмехнулся, чувствуя разливающееся в груди жгучее тепло.

Поезд, похожий на огромного металлического монстра с жёлтыми светящимися глазами, затрубил о своём прибытии. Он стремительно приближался, а потому я заставил себя подняться, несмотря на то что тело ныло и хотелось вот так вот просидеть до самого утра. Ну, или до того момента, пока работники станции сами меня не прогонят.

Подошёл к краю платформы, глядя на новенькие рельсы. Сердце забило настолько быстро, что его стук отдавался в ушах, перерастая в жуткую пульсирующую головную боль. От того, чтобы всё стало ровно, меня отделял всего шаг. Шаг навстречу неустанно приближающемуся будущему, от которого было невозможно сбежать, сколько бы я ни пытался – уже перестал, как только осознал, что в жизни не существует чудес, а у всего имеется срок годности. Просто так вышло, что мне повезло чуть меньше. Заводской брак. Механизм с поломанными шестерёнками, не подлежащими замене. Вот только сочувствующие взгляды родных нисколько мне не помогли, а делали только хуже, словно они тоже признавали мою негодность. Я просто хотел быть им равным, а не выглядеть в их глазах слабым и обречённым ребёнком, но все упорно продолжали виновато отводить взгляд и понижать голос, когда разговор касался моего *недуга*.

Искренне надеялся, что выпитое пиво поможет мне решиться, но страх начинал сковывать меня похлеще корки льда, а поезд тем временем с рёвом приближался, освещая своими фарами всю станцию.

Раз. Два. Три.

Я глубоко вздохнул и зажмурился. Всё должно было произойти очень быстро и, как я надеялся, не слишком болезненно. Секунда ада, а затем вечное умиротворение. Или после смерти боль ощущается настолько же остро, насколько и при жизни? А что там – по ту сторону? Часть меня хотела, чтобы впереди ждала пустота, но иногда мне казалось, что, должно быть, весело летать по миру бесплотным призраком и наблюдать за течением жизни своих знакомых. На манер наблюдателя в компьютерных играх, когда тебя убивают, а до момента респауна² ещё куча времени. Своеобразное бесконечное ток-шоу.

– Подожди-ка! – Кто-то вцепился в моё плечо, с силой дёргая на себя.

Поезд пронёсся мимо, снося резким порывом ветра. Меня затошнило, стоило подумать, что сейчас я мог бы стать кровавой лепёшкой, которую пришлось бы отскабливать от рельс и лобового стекла. А ещё от мыслей о перепуганном машинисте, который очень долго винил бы себя в непреднамеренном убийстве, потому что тормоза не успели сработать. Вместе с этим в голову лезли злые и уставшие люди, которые не смогли бы попасть домой, потому что полицейские перекрыли бы станцию полностью.

---

² Респаун – в компьютерных играх место постоянного появления какого-либо объекта или персонажа игрового мира, происходящее в определённой точке игрового пространства.

Да, мой поступок был бы весьма эгоистичным. Не такого конца я желал.

Наверное.

В следующий раз стоит подумать о других, чтобы мой уход никого не потревожил: спрыгнуть с моста или крыши, например.

В окне увидел своё мутное отражение и человека, который стоял за моей спиной. Его рука всё ещё лежала на моём плече, и в какой-то момент я был уверен, что это – работник станции. Мысленно я уже начал заготовливать речь, чтобы придумать оправдание своему поступку, а в качестве доказательства показал бы ему две пустые пивные банки: «Я просто задремал после долгой учёбы и выпитого, прошу извинить за доставленные неудобства».

Но стоило мне обернуться, как я увидел перед собой парня. Чуть старше меня, с ледяным, немного пугающим отчуждённым взглядом. Я смотрел в его светло-серые глаза доли секунд, а сердце тревожно сжалось, и всё моё естество, точно перепуганный щенок, протяжно заскулило, пытаюсь спрятаться где-то глубоко внутри.

– Я тебя не съем, – выдохнул он. – Если не попросишь.

Двери вагона открылись, и наружу посыпались люди. Они не обращали на нас никакого внимания, торопливо двигаясь в сторону своих тёплых домов. Я же нервно сглотнул и, чуть пошатываясь, зашёл в вагон. Незнакомец с силой надавил на моё плечо, заставляя усесться рядом. От необъясни-

мого страха перед ним я беспрекословно повиновался, не совсем понимая, что ему от меня нужно: хочет отчитать или вообще обокрасть? Вдруг это какой-то хулиган?

– Куда едешь? – Он сел рядом, упираясь локтями в колени. Светлые, практически белые волосы, стянутые на затылке в хвост, падали ему на лицо.

– В Синагаву, – неразборчиво пробормотал я.

Незнакомец не ответил. Только внимательно рассматривал меня своим прожигающим взглядом, и от этого мне сделалось настолько нехорошо, что глаза неприятно защипало, а спина вся взмокла, из-за чего рубашка противно облепила кожу и та зачесалась.

– Выглядишь как жертва насилия, – подытожил он.

– Мгм. – Я сглотнул, неуверенно пожимая плечами. Старался смотреть вперёд, на своё отражение в окне напротив. Выглядел я жалко. – Вам нужны мои деньги?

Он какое-то время ещё пристально наблюдал за мной, точно полагал, что я шучу, а затем расхохотался. Несколько пассажиров подняли на нас головы и неодобрительно вздохнули, явно посчитав, что мы какие-то невоспитанные подростки. Щёки мои начали покрываться красными пятнами, и от стыда я был готов провалиться сквозь землю.

– У меня совсем немного налички осталось, так что брать особого нечего.

– Зачем мне твои бумажки? – Он провёл ладонью по лицу, убирая с него волосы.

– А зачем вы сели со мной и заговорили?

– Я, конечно, уже понял, что умом ты не блещешь, но ты должен догадаться. – Парень вскинул подбородок, глядя на меня как на неразумного ребёнка, который перепутал простейшие знаменатели.

– Нет, не понимаю, о чём вы. – Я решил, что особой разницы между ним и работником станции не было, так что свою ложь я мог использовать и здесь.

Но вместо того, чтобы начать вытягивать из меня правду и задавать море неудобных вопросов, он откинулся на спинку сиденья и, закинув ногу на ногу, громко фыркнул. Покачал головой точно так же, как минуту назад это делали другие пассажиры, и отвернулся. В его руках появилась книга, и казалось, что он совершенно потерял ко мне интерес.

Тогда я решил, что это – мой шанс сбежать.

Чуть сгорбившись и сжимая ладонью край рукава своего пальто, я вскочил с места, разворачиваясь в сторону прохода в соседний вагон. Успел сделать только шаг, прежде чем он схватил меня за руку и бесцеремонно усадил на место. От бушующих мыслей голова пошла кругом, а парень умудрялся держать меня и одновременно читать свою паршивую книжку.

– Что вам нужно? – шёпотом выдавил я, не зная, куда себя деть.

– Вместе выйдем в Синагаве, составлю тебе компанию, – не отлепляя взгляда от строчек, пробормотал он.

Я с трудом подавил сдавленный всхлип. Всё казалось чем-то нереальным. Может, меня всё же никто не останавливал и это был мой персональный ад, который заключался в том, что я как бы продолжал жить, а на самом деле превратился в месиво из раздавленных кишок?

– Не понимаю, что вам от меня нужно? – Я уже не знал, о чём и думать, а потому бормотал первое, что приходило на ум. – Я закричу и... и вызову полицию... Вы явно не в себе!

Парень перевернул свою книгу обложкой кверху и положил её на колено так, чтобы она не закрылась. В уголках его губ притаилась тень ухмылки, но я был уверен, что ничего хорошего в этом нет. Ему определённо что-то было нужно, и я молил всех богов только о том, чтобы убил он меня как можно безболезненнее.

– Не в себе тот, кто хочет прыгнуть под поезд. – Он нагнулся прямо к моему уху, и шёпот его зазвучал до того проникновенно, что я вздрогнул и настороженно сжался. – Так что просто побудь хорошим мальчиком и посиди смирно. Если бы я хотел тебе навредить, то не стал бы оттаскивать от поезда.

Спустя какое-то время объявили мою станцию. За это время я твёрдо решил, что он ненормальный и от него было необходимо избавиться как можно скорее. Мне нужно было сказать работникам станции или полицейским, что он меня преследует, дабы привлечь к себе их внимание.

Поезд плавно начал останавливаться. Большинство пасса-

жиров поднялись вслед за нами, и как только двери вагона разъехались, нас с этим парнем вынесло на станцию людским потоком и потащило вперёд, точно бушующая волна в море, мечтающая выплюнуть двух надоедливых рыбёшек на сушу.

Мы остановились около автомата с напитками. Незнакомец терпеливо ждал, пока я соберусь с мыслями и решу наконец, куда идти. Он явно не думал от меня отставать. В это время я притворился, что захотел газировки, и медленно, нарочно растягивая время, нажимал на кнопки и закидывал монетки в автомат, высматривая хоть кого-нибудь, кто смог бы мне помочь.

– Не слишком ли много для тебя одного? – Парень облокотился о край автомата, скрестив руки на груди. – А то из ушей ещё польётся.

– А? – Он вытащил меня из забытья, заставляя вспомнить, что я ещё не спасся. – Угощать не буду.

– Будто бы я просил! – насмешливо фыркнул он. – Где твой дом?

Банка содовой со стуком упала в отсек выдачи. Я просунул туда руку и нервно вцепился в неё пальцами, оставляя на металлической поверхности неглубокие вмятины. Пускай все его вопросы были простыми и при обычных обстоятельствах я бы и глазом не повёл, но в данной ситуации всё это походило на несмешную комедию или пародию на фильм ужасов.

– Не смотри на меня так, словно я тебя придушу за уг-

лом, – удручённо простонал он. – Просто хочу удостовериться, что ты не решишь прыгнуть с моста по пути к своей несомненно очаровательной комнатке.

– Вам-то какое дело? – Я двинулся в сторону того выхода, который был ближе всего к моему дому. – Если захочу, то могу это сделать и завтра, и послезавтра, и через неделю. Да что уж там, хоть сегодня ночью!

Вместо ответа он тяжело вздохнул. Его уставший взгляд был прикован к чему-то впереди, и стоило мне за ним проследить, как внутри меня всё взорвалось от волнения: там стояло двое полицейских, и это уж точно был мой шанс.

Я ускорил шаг. Мой сталкер – тоже. Как только расстояние между нами и полицейскими сократилось, я сорвался на бег, стремительно подлетая к ним, чем заставил их удивлённо вскинуть брови и насторожиться.

– С вами всё хорошо? – учтиво спросил тот, что был выше.

– Да, то есть нет. – Слова не хотели вылезать из глотки. – Этот парень... – Я развернулся и ткнул прямо в своего незнакомца, который лениво подходил к нам, засунув руки в карманы своей чёрной толстовки. – Он преследует меня.

– Преследует? – несколько неуверенно уточнил второй, разглядывая его с ног до головы. – Если это шутка...

– Нет! – Я всхлипнул. – Он пристал ко мне на другой станции и всё продолжает ходить следом... Вдруг он хочет мне навредить?

Второй поджал губы, явно не до конца веря моим словам, но всё же сделал шаг к моему преследователю и властным тоном произнёс, чем заставил нескольких прохожих удивлённо обернуться в нашу сторону:

– Господин, пройдёмте с нами.

– В этом нет нужды, офицер. – Парень встал прямо перед ним. Он был невероятно спокоен, чем напомнил мне охотника, который видит в людях вокруг дичь.

Повеяло холодом. То ли от порыва ветра, то ли от страха, который парализовал меня, пока я немигающим взглядом всматривался в его серые глаза. С каждой секундой они казались всё более глубокими, точно топкое болото, и острыми, словно одним только взглядом он был способен перерезать нам всем глотки.

Офицер отшатнулся. Лицо его на краткий миг стало совершенно пустым, но уже через миг он учтиво улыбнулся, кланяясь мне:

– Хорошего вам вечера!

После чего похлопал своего коллегу по плечу, и они поспешно удалились, оставив нас наедине. Я не мог заставить себя пошевелиться. Внутри будто всё оборвалось. Настолько опустошённым и обречённым я себя не чувствовал даже в момент, когда хотел прыгнуть под поезд: тогда-то я контролировал ситуацию, а теперь точно очутился посреди дикого океана, где всем заправлял он.

– Чего встал-то? Идём, – как ни в чём не бывало произнёс

парень.

– Как... – Ноги меня едва держали. – Как вы... Почему...

– Меньше вопросов, больше телодвижений! – Он надменно закатил глаза, но как только понял, что его колкость не достигла цели, то схватил меня за ворот пальто и потянул в сторону выхода. – Какой же упрямец!

Найти в себе силы сопротивляться оказалось непросто. Все мои мысли были заняты лишь тем, что каким-то неведомым мне образом он заставил этих двух полицейских уйти, словно я никогда не заговаривал с ними и уж тем более не просил о помощи. Это было странно, пугающе и непонятно. Всё больше я начинал склоняться к тому, что, если уж меня не переехал поезд, то наверняка я просто заснул, сидя на скамейке. Другого разумного объяснения я не видел.

Люди на улице с восторгом смотрели на сугробы. Группки детей с весёлыми криками подбрасывали пригоршни снега в воздух, пока их родители пытались запечатлеть всё это на камеру, заодно с неуверенной радостью обсуждая эту аномалию: из-за того, что снег был нечастым гостем в столице, могли возникнуть проблемы с транспортом, а это значило бы большую давку по утрам и возможные опоздания на работу. Ни то, ни другое никого не устраивало, поэтому большинство взрослых относились к снегопаду с некоторым пренебрежением и даже отвращением.

В попытке спрятаться от мокрого ветра я приподнял плечи, чтобы шарф ещё больше закрывал моё лицо; открытыми

у меня оставались только глаза и лоб.

– Вы – всего лишь плод моего воображения, я прав? – дрожащим голосом пробормотал я, обращаясь больше в пустоту, нежели к незнакомцу, который вышагивал рядом. – Никогда бы не подумал, что от двух банок пива могут быть такие красочные галлюцинации.

– Я настоящий. – Он выдохнул облачко пара, бегло осматривая улицу и жмурясь от света фар проезжавших мимо нас машин.

Верить ему я не хотел, хотя отрицать сам факт его существования было почти невозможно. Эти две противоречивые мысли сплелись в моей голове воедино, и пока ни одна из них не могла одолеть другую, чтобы я пришёл к какому-нибудь умозаключению.

Жил я совсем недалеко от станции в элитном жилом комплексе, а потому старался идти как можно быстрее, вслушиваясь в размеренный хруст снега под ногами. Пытался представить, что сделает этот парень: оставит меня и скроется или загипнотизирует охранника так же, как и полицейского, чтобы пройти следом? Совершенно не понимал, к чему всё шло, да и знать, если честно, не хотел. Каждой клеточкой своего тела я чувствовал невероятную усталость, а в груди пульсировала боль, точно меня хватали раскалёнными щипцами. Пока ещё не сильная. Скорее привычная, и я надеялся, что она не перерастёт в нечто большее, потому что уже успел полностью распланировать целую неделю, и отбрасывать все

свои планы ради похода к врачу было бы несправедливо и обидно.

– Тогда как вас зовут? – Краем глаза я пристально наблюдал за ним.

– Хм-м-м... – Парень дотронулся кончиками пальцев до уголка своих губ, не отрывая взгляда от рекламы компании по вывозу мусора на ближайшем столбе. – У меня нет имени.

Я не смог удержаться и злобно прыснул:

– Тогда вы не можете быть настоящим.

– Почему же? – Он продолжал смотреть куда угодно, но только не на меня, словно я был пустым местом. – Я умею ходить, говорить и думать. Как утверждал Декарт, если ты, конечно, знаешь, кто это: «Я мыслю – следовательно, я существую».

– Декарт лишь философ, а не все философские изречения – истина.

– Ну разумеется. Познать природу бытия невозможно.

Он грустно улыбнулся, поворачиваясь ко мне. Вместе мы выглядели невероятно нелепо: я пытался скрыться и утонуть в своей тонкой одежде, он же шёл так, словно вокруг не царил яростная метель, а светило тёплое летнее солнце, ласкавшее кожу. Было в этом парне без имени что-то настораживающее и противоестественное, но я не мог понять, что именно.

– Тогда скажи мне, – он закусил нижнюю губу, – кто из всех философов тебе ближе?

– Зачем?

На самом деле я пытался оттянуть время, чтобы перебрать их в своей голове и вспомнить, кто какие направления представлял, потому как курс философии остался в предыдущем семестре. Почему-то ужасно не хотелось ударить в грязь лицом. Чисто из принципа.

– Просто удовлетвори мой интерес.

В голове всплыл только один человек, который буквально требовал, чтобы из всего длинного списка я выбрал именно его. Мы были похожи: оба считали, что человеческое существование абсурдно, и вместе с тем каждодневно ощущали дыхание смерти в затылок, что и заставляло из раза в раз прокручивать назойливые и порой огорчающие мысли, точно заевшую пластинку:

– Камю.

Мы свернули с главной дороги. Я просто хотел проверить, что он начнёт делать, когда шумный поток людей останется где-то позади. Всё ещё не верил, что он просто взял ответственность за мою жизнь на тот краткий отрезок времени, что мы шли от станции к моему дому. Мы всё углублялись в узкие и порой тёмные закоулки, где он с лёгкостью мог бы ударить меня по голове и сбежать, но незнакомец продолжал обдумывать мой ответ, смотря только вперёд.

Холодный белый свет от ближайшего фонаря скользнул по его бледному лицу, придавая ему ещё бóльшую неестественность. Парень усмехнулся и, склонив голову набок,

прошептал:

– Какая ирония!

Я смутился и не нашёл в себе силы возразить. В этом он был несомненно прав.

– Камю, если я не ошибаюсь, был против самоубийства, потому что это наиболее лёгкий вариант из всех.

– Да. – Я с трудом разлепил губы. Голос мой звучал сипло и немного надломленно. – Это больше похоже на смирение, где нет бунта.

– «Таким образом, я извлекаю из абсурда три следствия: мой бунт, мою свободу и мою страсть. Посредством одной только работы ума я обращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти, и отвергаю самоубийство», – процитировал он Камю, и отчего-то меня передёрнуло, словно кто-то закинул мне за воротник льдинку.

Миновав ещё один узкий проулок, мы вышли ко второму входу в мой жилой комплекс: высотка #-образной формы возвышалась на фоне всех остальных домов в округе, и только офисные здания вдалеке могли бы с ней посоревноваться; всю территорию окружал высокий забор, из-за которого выглядывали пёстрые деревья, чьи листья ещё не успели опасть и эстетично контрастировали с шапками снега. С этой стороны был вход через парк, но никто, кроме жильцов, не мог сюда пройти. Я надеялся, что и этот странный парень наконец отстанет.

– Мы пришли. – Я даже не пытался скрыть раздражение

в голосе. – Теперь вы оставите меня в покое?

Он задумчиво всматривался в брусчатую дорожку, ведущую к самой многоэтажке, и взгляд его сделался до того печальным, будто он сошёл с полотна Верне: уставший и скопанный, как и Мазепа, он мчался туда, куда я не мог попасть, всё дальше и дальше, за грань человеческого понимания, гонимый чем-то извне. Эта мысль остро проблеснула в моём сознании, прежде чем мы успели расстаться, и от подобного сравнения мне сделалось дурно.

– Ещё увидимся. – Парень устало прикрыл глаза. Его губы тронула слабая улыбка.

Он нагнулся ко мне, точно хотел что-то сказать, выдать тайну, а затем сделал два шага назад и растворился в снежном вихре, рассыпавшись на множество искрящихся снежинок, уносимых ветром куда-то меж проводов, натянутых над головой.

Глава 2

Проснулся я в полутьме собственной небольшой комнаты. Шторы были задёрнуты, но со стороны кровати была видна узкая полоска серого света. Однако даже уличный снежный мрак казался невыносимо ярким пятном на контрасте с тем, что было вокруг.

Я приподнялся на локтях, сонно глядя на приоткрытую дверцу шкафа, из которой торчал рукав свитера. Вчера я небрежно закинул его туда и завалился спать, потому что окончательно уверился в том, что приставший ко мне на улице парень был не просто фантазией, а самой настоящей галлюцинацией, вызванной тем, что я смешал кучу таблеток с алкоголем.

По крайней мере, другой вариант я и не думал рассматривать.

Не успел я надеть очки, как рука машинально потянулась к горке из пластинок с таблетками. Удручённо заставил себя повернуть голову, чтобы найти нужную.

– Печень, желудок, та-а-ак, сердце, да блин, – бормотал себе под нос я. – А какую мне пить сегодня? Посмотрим...

Моя щитовидная железа сожрала сама себя, оставив вместо себя пустоту и пожизненную потребность в таблетках. Конечно, по сравнению со всем остальным это была полнейшая ерунда, но я искренне устал быть прикованным к горсти

медикаментов, без которых моя жизнь уже давно бы оборвалась.

Я взял две пластинки и стал высматривать, в какой из них осталось больше таблеток. Врач сказал чередовать дозировку гормонов, потому что ни одна из тех, что продавались, не подходила мне в изначальном виде: либо мои показатели, судя по анализам, быстро падали, либо, наоборот, повышались. Всё это существенно усложняло моё ежедневное пробуждение, потому что спросонья вспоминать, какая доза мне необходима, – сложно, мучительно и скучно. Порой я вообще забывал, принял ли нужные таблетки. В моей жизни их было настолько много, что за ордой детей в младшей школе уследить и того легче.

– Эта так эта. – Выбрал ту, где было на одну больше.

Выдавил из упаковки небольшую, размером с булавочную головку, таблетку себе на ладонь и закинул её в рот, зажимая меж зубов. Свободной рукой потянулся к стакану с водой и одним небольшим глотком запил её. Дальше настал черёд сахара. Глюкометр лежал с краю в чёрном чехле. Для этого уже пришлось подняться чуть повыше, чтобы усесться поудобнее, прислонившись спиной к прохладной стене. Раскрыл чехол у себя на коленях, ловко откупорил крышку баночки с тестами и, подхватив одну из них, вставил её в сам глюкометр. Экран того загорелся, и пока он прогружался, я бездумно крутил прокалыватель, выбирая, какой из пальцев проколю сегодня: все они были усыпаны множеством

маленьких тёмных точек, оставленных иглами. Несколько дней назад неудачно проколол мизинец, и на том расплылся небольшой синяк, который противно темнел, точно я какой-то прокажённый.

В коридоре слышались шаги. Вероятно, мама ещё не ушла на работу, хотя сегодня была её смена. Она работала менеджером в комбине, чтобы хоть чем-то занять свои будни. Домохозяйкой она никогда быть не хотела, но и работать на полную ставку – тоже. Особенно после того, как я заболел. Считала, что всегда должна быть рядом, и опекала, точно мне не двадцать, а десять. Это утомляло.

Глюкометр загрузился. Я приставил прокалыватель к безымянному пальцу и, щёлкнув, убрал его обратно в чехол. Надавил на кожу рядом с проколом, из которого с трудом выступила багровая капля крови.

Каждый день одно и то же. Рутинная обязанность, которая не доставляла мне ничего, кроме неудобств и боли – незначительной, поскольку за столько лет привыкаешь. Порой я представлял, что однажды кровь в моём теле иссякнет. Разумеется, это было не больше, чем фантазия, вызванная усталостью и скукой, но иногда такой исход казался вполне реальным. Тогда во мне не осталось бы ничего. Только пустота. Да и сам я, скорее всего, к тому моменту уже исчез бы.

Прислонил палец к тесту, и тот быстро вобрал в себя немного моей крови. Вскоре на экране загорелись цифры. В целом приемлемые, особенно учитывая, что вчера я позво-

лил себе лишнего.

Откинул голову, глупо рассматривая пустой потолок. Вылезать из тёплой кровати не хотелось, но через несколько часов я пообещал встретиться с несколькими однокашниками, чтобы помочь им подтянуть английский к грядущим экзаменам, а затем меня ждал ученик – пока мама подрабатывала в комбине, я обучал других языкам. Деньги были не самыми большими, но этого хватало, чтобы я не просил их у родителей. Те и так тратили на моё лечение в разы больше, чем на обучение в университете. Просить их о том, чтобы они покупали мне ещё и всякую ерунду вроде манги и одежды или давали на развлечения, было бы низко.

Резким движением скинул с себя одеяло и быстро юркнул в мягкие тапочки. Просыпаться с каждым днём было всё сложнее, а заставлять себя вылезти из постели – и подавно.

В коридоре было темно. Из кухни доносились шум телевизора и звон посуды, и, как мне показалось, мама не заметила, что я проснулся. Постарался насладиться теми несколькими минутами спокойствия, которые я себе обеспечил столь тихим подъёмом, и бесшумно прошёл в ванную, заперев за собой дверь.

Отшатнулся от неё, задевая запястьем чей-то халат, и прижался поясницей к прохладной раковине. Голова неимоверно кружилась и раскалывалась, точно в меня пытались вдолбить длинный гвоздь. Я устало запустил руку в волосы, вжимаясь со всей силы пальцами в кожу головы, чтобы затмить

ту боль новой и заставить разум отвлечься.

Где-то через минуту меня отпустило.

Нарочито медленно развернулся, взглядываясь в своё изнурённое отражение в зеркале. Я был тощим, болезненно-бледным и с большими синяками под глазами. Сетка сосудов в правом глазу лопнула, и тот покраснел со стороны, что была ближе к виску. На носу, помимо уродливой россыпи веснушек, напоминавшей мне грязь, с вечера осталась вмятинка от очков. Выглядел я как никогда паршиво.

Неторопливо умылся и всё с той же черепашьей скоростью выполз на кухню.

– Доброе утро. – Я зевнул, прикрывая рот рукой.

– Доброе утро. – Мама склонила голову, пристально всматриваясь в моё лицо с таким видом, будто я что-то от неё скрывал. – Какой сахар?

– Нормальный. – Я только отмахнулся, подходя к холодильнику. – Позавтракаю йогуртом.

– Йогурт не еда, – осуждающе выдохнула она. – Я приготовила омлет с тостами, отцу очень понравилось, хочу заметить.

Её тон не терпел возражений, и, усадив меня за стол, она поставила передо мной тарелку с омлетом, тостом и сырыми овощами, попутно вырывая из моих рук питьевой йогурт и убирая его обратно в холодильник. Села рядом, увеличивая громкость телевизора. Там как раз крутили новости, и диктор на фоне заснеженной улицы говорила что-то про неути-

хающую метель.

– Несколько станций перекрыли. – Мама подпёрла голову рукой. – Уж не знаю, как обстоят дела на дорогах. Надеюсь, твой отец успел на работу вовремя.

– От нас до центра тоже? – Я поковырял палочками омлет, но есть не хотелось совершенно. – Я сегодня встречаюсь с ребятами из университета, а потом у меня ученик.

– Не знаю, но расписание многих поездов изменили. – Она пожала плечами, пока тянулась к корзинке с таблетками, стоявшей на столе. Бегло прочитала названия нескольких и, найдя нужные, выдавила несколько рядом с моей тарелкой, чтобы я не забыл выпить их во время еды. – Ешь давай.

Но вместо того, чтобы начать завтракать, я полез в телефон – сверяться с новым расписанием поездов. И впрямь, вместо привычных сорока минут ехать нужно было чуть дольше. Это в корне меняло всё, и выходить стоило пораньше, чтобы ненароком не опоздать.

– А ты?..

– Я на машине поеду, наверное... – Мама поморщилась, заправляя прядь шелковистых волос за ухо. Она предпочитала быть пассажиром, а не водителем, несмотря на то что отец подарил ей машину пару лет назад. Та в основном безвылазно стояла на парковке, но продавать её отец отказывался. – Кстати, вчера так и не довелось с тобой поговорить. – Она отложила пульт и придвинула к себе чашку с зелёным чаем. – Как там Асахи и Мэй?

Неуютно поёрзал на стуле. Уже совсем позабыл о старшем брате и его жене после всего, что произошло после.

– Нормально, – выдавил я. – Вроде бы без изменений.

– Хм-м, – задумчиво протянула она, поджимая губы. – А Мэй-тян там не... это?..

– О чём ты?

– Ну-у-у... – Она удивлённо вскинула брови. – Ну это!

– Я не понимаю. – Пришёл мой черёд недоумённо морщиться.

– Дети, внуки там. – Мама помахала рукой, пытаюсь построить невинную гримасу. – Они уже так долго вместе, дом купили, у Асахи работа хорошая, может быть, и о детях подумали...

– Может, и подумали, но явно не додумали, – фыркнул я. – Живот её был плоским, и никаких признаков беременности я не заметил.

– Ой, да ну тебя! – Мама потрепала меня по голове, допивая свой чай. – Мне пора. Не забудь про таблетки. – Она чмокнула меня в макушку и, закинув кружку в раковину, выбежала в коридор. – *Иттекимас*³.

– *Иттерасяй*⁴.

Быстро собравшись, она ушла, не забыв перед самым вы-

---

³ Иттекимас – ##### (itte kimasu) – буквально значит «Я ухожу» или «Я покидаю». Когда японец куда-то идёт, он обычно говорит это тому, кто его провожает.

⁴ Иттерасяй – отвечает тот, кто остаётся. ##### (i tte rasshai) в буквальном смысле значит «Пожалуйста, иди».

ходом ещё раз напомнить мне про лекарства. Я остался один на прогретой кухне, залитой тёплым светом от лампы, в компании корреспондента и дикой метели, что готова была похоронить под собой весь Токио.

* * *

Мы договаривались встретиться в университетской библиотеке. Та работала круглосуточно семь дней в неделю и была идеальным местом для занятий: просторная, светлая, с бесчисленным множеством книжных стеллажей, удобных письменных столов, стоящих друг от друга на достаточном расстоянии, чтобы никому не мешать; вдоль окон располагалась компьютерная зона, а на втором этаже – кафетерий, где были удобные мягкие диванчики, которые практически всегда были заняты – нами в том числе.

Нас было немного. Всего четверо, включая меня, и почти все так или иначе друг с другом знакомы, поскольку у нас частенько совпадали курсы. Не то чтобы у меня было много друзей (скорее наоборот), но я не чувствовал себя неловко, пускай и предпочитал больше слушать, чем говорить, если речь касалась не учёбы.

– Что-о-о? – картинно удивилась Иномэ-сан, откусывая кусочек от большого печенья с шоколадной крошкой.

– *На английском, пожалуйста.* – Ивасаки-кун отрицательно покачал головой, давая понять, что не будет отвечать,

пока она не перестанет говорить на японском.

Иномэ-сан простонала. Потом закусила нижнюю губу, мило надув румяные щёчки, и с лёгкой улыбкой произнесла:

– *Что-о-о?*

– *Так уже гораздо лучше,* – усмехнулся он. Одной рукой он потянулся к стаканчику со своим кофе, а другой к тетрадке, где мы несколько минут назад расписывали теорию. – *Но Ямада-сенсей⁵ действительно хочет сделать меня своим ассистентом.*

– *Ужас, меня окружают одни умники!* – Иномэ-сан рассмеялась, откидываясь на спинку дивана. – *Вот ты, Ивасаки-кун, станешь ассистентом, а там и до преподавания рукой подать; Хагивара-кун...* – От звука своей фамилии я встрепенулся. – *Он хочет взять ещё один язык... Какой это уже по счёту? И ведь всё понимает – вот это талант! Одни мы с тобой, Сугияма-кун, бестолочи.*

– Э-э-э, ну-у-у... – Сугияма-кун нервно почесал затылок, смахивая с глаз чёрную чёлку. У него было очень туго с разговорным языком, поэтому он предпочитал отмалчиваться. – *Зато ты, Иномэ-сан, хорошо говоришь... не то что я.*

Она поёрзала на месте. В отличие от меня или Сугиямы-куна, Иномэ-сан с трудом могла сидеть на месте и ничего не делать – она любила говорить без умолку, но это была вполне себе успокаивающая болтовня, потому что в боль-

---

⁵ Сенсей – вежливое обращение к учителю, врачу, писателю, начальнику или другому значимому лицу или старшему по возрасту человеку.

шинстве своём не несла в себе ничего важного. В её словах никогда не было скрытого подтекста, состоящего из жалости к собеседнику, которые я отчётливо слышал от своих родственников, видевших во мне живой труп. Именно поэтому их компания меня не раздражала, но и сближаться я не решался, ведь тогда бы они узнали, что у меня не только сахарный диабет, но и куча всего ещё, что потихоньку убивало меня изнутри. Тогда они взглянули бы на меня по-другому – так же, как это делали родители, брат со своей женой и многочисленные медсёстры с врачами, которых я встречал в больницах.

– Я? Да по сравнению с Хагиварой-куном я бестолковый ребёнок! Когда у меня недавно американец спросил дорогу, я растерялась и убежала, потому что все слова в голове перемешались и я не могла выдавить из себя ни звука. Такой стыд! – Она спрятала лицо в ладонях, и я заметил, что шея её покрылась розоватыми пятнами. – Вот ты, Хагивара-кун, какие языки знаешь?

– Гм... – Я подавился воздухом оттого, что все взгляды вновь были устремлены на меня. – Английский, корейский, немного испанский и думаю в новом семестре начать русский...

– Русский? – Ивасаки-кун удивлённо вскинул ухоженные брови. – Он же такой сложный... Ни иероглифов, ни латиницы – совершенно другая письменность, да и к тому же он один из самых сложных в изучении! Ты явно сошёл с ума,

Хагивара-кун!

– А я видел видео, – неуверенно начал Сугияма-кун, и щёки залила краска, – где включали русские песни – очень интересно, но ничего не понятно. Говорят ужасно быстро и просто та-та-та ба-ба-ба. Набор... м-м-м... звуков. Очень страшных звуков.

– О-о-о, а ещё я знаю, что там очень много ругательств, ха-ха!

– А я слышала, что Акутагава Рюноске был очень вдохновлён русскими писателями! Достоевским там, гм-м, Гоголем... остальных не знаю, блин...

– Я когда-то начинал читать Достоевского... Умереть можно было, не в обиду ему, конечно же. – Ивасаки-кун тряхнул головой; с лица его не сходила широченная улыбка. – Зато их девушки просто вау! Когда-то...

– Ивасаки-кун! – Иномэ-сан состроила недовольную гримасу и шутливо пихнула того в плечо. – Некультурно рассказывать о своих романтических похождениях в присутствии другой девушки!

– Ладно-ладно, молчу. – Он рассмеялся, но сам подмигнул нам с Сугиямой, явно на что-то намекая.

Ни у меня, ни у Сугиямы, насколько я знал, отношений ни разу не было, поэтому я точно не знал, о чём нам хотел рассказать Ивасаки-кун: о том, что они милые, весёлые или хороши в постели? Эта тайна останется покрытой мраком, но не сказать, что меня это сильно печалило, – девушки и отно-

шения меня волновали не больше, чем беременность жены брата, например. Было бы, возможно, прикольно, но и без этого я жил вполне себе спокойно... если это можно назвать спокойствием.

Я вновь залез в телефон – посмотреть время. С учеником мы должны были встретиться на этой же станции в торговом центре, до которого мне было ехать пару остановок на автобусе. Залез в приложение, которое их отслеживало, и быстро начал искать свой – тот как раз должен был приехать через пятнадцать минут.

Убрав телефон в карман, я начал собирать тетрадки.

– *Уже уходишь?* – поинтересовалась Иномэ-сан, грустно вздыхая.

– *Угу.* – Я кивнул, неуклюже запихивая свои немногочисленные пожитки в рюкзак. – *А то опоздаю на работу.*

– *Надо будет ещё всем вместе позаниматься!* – воскликнула она, а Ивасаки с Сугиямой поддержали её бодрыми кивками. – *Из тебя вышел отличный учитель, Хагивара-кун, спасибо.*

– *Да, спасибо,* – вторили ей Ивасаки и Сугияма в унисон.

– *Не стоит.* – Мне было неловко принимать их похвалу, но очень даже приятно. – *До встречи, пока!*

И не дожидаясь их ответа, я помчал на выход.

Внутри меня всё скрутило от нервного напряжения – так бывало каждый раз, когда я встречался с новым учеником. Не то чтобы я был очень застенчив, но новые знакомства давались мне нелегко. Всё, что я о нём знал, – он был мужчиной.

До этого я в основном обучал детей или школьников. С ними мне всегда удавалось быстро наладить контакт, и я намного меньше боялся перед ними оплошать. Казалось, что взрослые, которых я учил, смотрели на меня с нескрываемым осуждением, словно мои методы преподавания были настолько плохи, что это замечали даже люди, не знающие язык. Уж не знаю, действительно ли я был так ужасен и глуп или нет, но они довольно быстро переставали приходиться на занятия, поэтому сейчас у меня было всего три постоянных ученика: старшеклассница Накаяма (она всё время краснела и боялась смотреть на меня), ещё один старшеклассник Икэда (английский давался ему невероятно тяжело, но на последних экзаменах он смог набрать достаточно баллов, и на радостях его мама разрыдалась – мне было неловко слушать от неё эту историю и слова благодарности) и младшеклассник Сора-кун (он был очень способным и, как мне порой казалось, понимал язык гораздо лучше Икэды, что было довольно забавно, учитывая их разницу в возрасте).

А вот чего стоило ожидать от сегодняшнего занятия, я не знал.

Поэтому пришёл за полчаса до назначенной встречи, успел занять отличный столик около окна, достал небольшой ноутбук, где был план сегодняшнего занятия, а сам начал готовиться к своим экзаменам, но мысли разбредались, поэтому большую часть времени я бездумно постукивал ручкой по тетрадке, всё время вспоминая слова Иномэ-сан: «Из тебя вышел отличный учитель, Хагивара-кун». Это вселяло крохотную надежду, что всё действительно так.

– *Привет*, – простодушно произнёс кто-то, отодвигая стул и усаживаясь напротив. – Ведь так говорят, да?

– Верно-вер...

Я оборвал свою речь на полуслове, когда таки оторвался от своих мыслей и записей и взглянул на своего нового ученика. В нём я сразу признал вчерашнего парня-без-имени, которого я окончательно счёл за плод своего разыгравшегося и захмелевшего воображения. Но сейчас я был уверен в том, что последняя банка пива осталась нетронутой, сахар в пределах нормы, а это значило лишь то, что болезнь начала пожирать мой мозг – иначе как объяснить его присутствие?

Он с небольшим интересом рассматривал высокие потолки, украшенные к Рождеству огоньками, и выглядел таким же холодным и сдержанным, как и вчера вечером.

– Это безумие! – не выдержал я, сгребая свои вещи обратно в рюкзак. – Всё ясно: я скоро умру... Хорошо, без про-

блем, раз так – значит, так!

Парень перестал рассматривать всё вокруг, и его хищный взгляд зацепился за меня. Он не проронил больше ни слова, и весь его облик источал невероятную уверенность, точно одной своей мыслью он мог подчинить кого угодно, и меня в том числе. Прямо как тех полицейских, которых мы встретили на станции.

– Куда же вы, *сенсей*? – Уголки его губ поплыли вверх.

– Куда подальше... – мой голос дрогнул, – к врачам, в могилу... Я не знаю, но вас не существует, а я не обучаю тех, кого не существует...

Я мямлил до тех пор, пока не подумал, как видят меня остальные. Если незнакомец и впрямь проекция моего умирающего мозга, то, должно быть, я разговаривал сам с собой. Это меня ужасно смутило, потому я поспешил заткнуться и игнорировать его.

– Я заплачу в два раза больше, – не унимался он.

– Что толку мне от воображаемых денег? – шепотом отозвался я, вскакивая со своего места и обходя его стороной. Так, чтобы он не смог схватить и остановить меня, как сделал это в поезде.

Но он невозмутимо поднялся следом и, буркнув что-то вроде «Какой упрямый», пошёл за мной. Я попытался петлять меж столиков, то и дело извиняясь на ходу, но парня, преследовавшего меня, это всё нисколько не смущало. Он держался от меня на расстоянии, но и не отставал, смахивая

при этом на хищника, загоняющего дичь. Быть в роли жертвы мне определённо не нравилось.

В какой-то момент он умудрился незаметно обогнать меня и перекрыть мой незатейливый путь к отступлению, но вместо того, чтобы броситься на меня или схватить и утащить прочь, он потянулся к внутреннему карману своего пальто и выудил из него небольшой чёрный кошелёк. А затем демонстративно помахал им около своего бледного лица, как бы говоря: «Смотри».

И я смотрел.

Внимательно, не отводя взгляд и с такой настороженностью, что каждая мышца в моём теле была напряжена до предела.

– Извините, – обратился он к двум девушкам за столиком неподалёку. Те взглянули на него с нескрываемым удивлением. – Могу ли я вас чем-нибудь угостить?

И улыбнулся. До того естественно и обезоруживающе, что я даже не удивился, когда их щёки налились румянцем и, немного смутившись, они согласились.

– Хорошо. – Он тряхнул головой и мигом оказался подле меня. Подхватил под руку и потащил в сторону какой-то кофейни. – Разве они могли согласиться, будь я ненастоящим? Можно, пожалуйста, два вот этих, которые со взбитыми сливками и мармеладом? – Последнее было адресовано баристе в коричневом фартуке с их фирменной эмблемой.

Он протянул ей деньги, она ему – чек и поспешила начать

выполнять заказ. Я наблюдал за всем с необъятной пустотой в глазах, мыслях и душе. Всё происходящее было очень несмешной шуткой, и единственное, чего я хотел, – так это проснуться.

– Чего притих, тоже хочешь? – хмыкнул парень-без-имени, крепче стискивая мой локоть.

– Мгм, – точно в трансе, покачал головой я.

Я оглянулся через плечо. Те девчонки пристально смотрели на нас и не смущались бурно обсуждать. Одна из них достала карманное зеркальце и начала поправлять макияж, добавляя блеска губам. Со стороны они казались самыми что ни на есть реальными, но всё же я немного поразмыслил и, когда напитки были готовы и мы несли их тем девушкам, заявил:

– Они могут быть такой же частью моего воображения. Знаете, как массовка. Просто для того, чтобы происходило взаимодействие с главным персонажем всей этой абсурдной истории.

– Хм-м... – в характерной для него манере протянул он. – Приятно слышать, что я числюсь в списке основных персонажей, а не наоборот! – Он иронично вскинул одну бровь. – Но тогда что же происходит с настоящим тобой?

И ведь правда: что же происходит со мной, если вся окружающая меня реальность – фальшивка?

– Велика вероятность, что я в психиатрической клинике, – равнодушно отозвался я, не отводя взгляда от подвешенной

к потолку фигуре оленя, обмотанного праздничной гирляндой. Чем дольше я на него смотрел, тем больше он казался мне ненастоящим. – Белые стены, санитары, антипсихотики, чтобы усмирить больных, и как результат – сны наяву.

Такой расклад меня совершенно не пугал, потому что временами он казался наиболее вероятным и правильным. Уж не знал, начинал я так мыслить в периоды безграничной тоски или нет, но реальность порой давала сбой: дождь казался фальшивым, лица близких людей – чужими. Кругом незнакомцы. Актёры. Кто угодно, кто отыгрывал бы роль моего отца или брата, например. В такие моменты я чётко осознавал, что Асахи – мой милый собранный и невероятно амбициозный старший брат; что папа – это папа, всё такой же скупой на эмоции и преданный своему делу. Должны ими быть, ведь я знал их с детства, но смотрел будто бы со стороны, как на посторонних, которых вынужден называть *отцом* или *старшим братом*.

– Вот оно что. – Парень не высказал ни капли удивления и оставался всё таким же бесстрастным. Он забрал у меня второй стаканчик с напитком и поспешил оставить их девушкам. Те захихикали, и одна из них передала ему клочок бумажки. Наверняка со своим номером. Тот его, конечно, принял, но стоило отойти от их столика подальше, как листочек улетел в урну. – Тогда тебе не о чем беспокоиться, ведь если предположить, что в данную секунду ты находишься в палате под присмотром санитаров, то в этом мире ты волен де-

лать всё что заблагорассудится, не боясь последствий. Звучит очень даже интересно, не находишь?

– Боюсь, что нет. – Я мотнул головой, напоминая себе безмозглого барана. – Ведь нет прямых доказательств, что я – это не я, а вся окружающая меня реальность – лишь фантазия.

– И то верно. – Он развёл руками. – Но также у тебя нет доказательств, что я являюсь игрой твоего больного разума, а значит, ты не вправе отрицать мою реальность.

Ничем возразить я ему не мог, да и сбежать – тоже. Где бы я по-настоящему ни находился, это не отменяло того факта, что я был загнан в ловушку. Уж в реальности или в мире собственных фантазий, не так важно.

Я остановился посреди коридора. Поток людей огибал нас стороной, точно мы были камнем посреди быстрого ручья. Со всех сторон горели яркие вывески магазинов, а в нос бил запах моющих средств: недалеко от нас стоял уборщик с ведром на колёсиках и длинной шваброй, которой он старательно водил по полу.

Незнакомец вскинул подбородок, засовывая руки в карманы пальто. Он развернулся ко мне лицом и смотрел прямо мне в глаза с немым вопросом: «Что на этот раз?».

Не чувствуя ног, я подошёл к нему ближе. Парня это ничуть не смутило, но на дне его безжизненных глаз, в которых словно промелькнула быстрая тень заинтересованности, можно было разглядеть слабое удивление.

Большим пальцем я дотронулся до бледной кожи щеки. Она была холодной, точно незнакомец только-только пришёл с улицы, или же просто у меня поднялась температура и всё казалось не таким, каким являлось в действительности.

– Просто пытаюсь осознать вашу реальность. – Я не оправдывался, а говорил как есть.

– И? – Он вытащил руку из кармана и сжал ею мою ладонь так, чтобы я не смог убрать её.

– Ощущения – это всё, на что я могу рассчитывать. Однако... – под его пристальным взглядом я замялся, – ...как можно доверять тому, что в любой момент может подвести?

– Хороший вопрос, – кивнул парень.

– Это равноценно тому, – продолжил я, – когда человек, которому ампутировали конечность, продолжает считать, что она есть. Самообман, дарованный нашим мозгом? Привычка? Не столь важно, ведь они чувствуют то, чего на самом деле нет. Вот и я не понимаю: схожу ли я с ума или вы и в самом деле стоите передо мной.

На его губах заиграла слабая улыбка, из-за которой мне сделалось очень паршиво, будто бы он решил надо мной поиздеваться. Я вырвал свою руку из его хватки и отшатнулся, чуть не врезавшись в какого-то мужчину с несколькими пакетами, до отказа набитыми одеждой.

– Извините, – промямлил я. То ли мужчине с пакетами, то ли незнакомцу, что продолжал сверлить меня насмешливым взглядом.

Развернувшись и поправив ворот своего пальто, я вскинул руку в прощальном жесте. Я не сильно верил в то, что парень оставит меня в покое, и был готов выдать новую порцию бессмыслицы, когда резко осознал, что остался один. На краткий миг я растерялся, удивлённо оглядываясь по сторонам, но его нигде не было. И можно было бы сказать, что я ему благодарен, если бы сердце не начало тоскливо сжиматься от нахлынувшего чувства полного одиночества. Оно сковывало тяжёлыми цепями и постепенно тянуло на илистое дно, где меня не ждало ничего, кроме скорой смерти, что каждодневно злорадно шептала на ухо: «Скоро наступит твой час, и ты встретишь его один».

Глава 3

– *Тадайма*⁶.

Дома оказалось темно и пусто. Родители ещё не вернулись – странно, ведь мама предпочитала уходить с работы пораньше, чтобы успеть приготовить ужин к возвращению отца. Тот всегда говорил, что легче было бы заказывать что-нибудь из ближайшего ресторана, но мама слишком любила готовить, поэтому он перестал с ней спорить.

Перед тем как войти, я стряхнул налипший снег с зонтика, но даже он не спас моё пальто, и его полы промокли насквозь, как и мои ботинки. Поставил зонт на место, скинул с себя верхнюю одежду и обувь. Последнюю предусмотрительно отправил сушиться на брошенное у стены полотенце, чтобы то впитало в себя всю уличную влагу. Стянул с ног мокрые носки и быстро влез в тапочки. Сразу же стало теплее и приятнее.

Тишина саднила в ушах. По привычке включил музыку на телефоне – в последнее время мне особенно тяжело было находиться наедине с самим собой – и, войдя в комнату, осторожно поставил рюкзак у изножья кровати.

Сам же я быстро переоделся, сменив свои любимые джинсы на удобные шорты по колено, а рубашку с тёплой жилет-

---

⁶ Тадайма (Tadaima) – «Я вернулся, я дома».

кой – на свободную футболку. Попутно вытащил обогреватель. Несмотря на то что в нашем доме было отопление, пол казался невероятно холодным, и дрожь пробирала даже через толстую подошву тапочек, а учитывая моё и без того хилое здоровье, заболеть мне было строго запрещено, иначе я мог в очередной раз угодить в больницу, а это было бы некстати – совсем скоро должны были начаться экзамены.

Ловко подхватил рюкзак, садясь за стол. Включил настольную лампу, и та затопила часть комнаты холодным белым светом. Отчего-то в голове всплыл образ того парня, когда тот решил проводить меня домой, и живот опять неприятно скрутило.

– Идиот, – пробормотал я в пустоту.

Достал ноутбук. Вытащил с полки несколько учебников и всерьёз решил заглушить свои мысли учёбой. Она спасала меня далеко не всегда, но метода вернее я не знал. Так хотя бы была какая-то польза. Утешал себя только этой мыслью, время от времени жалея, что не выбрал способ поинтереснее.

Жизнь проносилась невероятно быстро. Будто ещё вчера я поступил в старшую школу, а сегодня уже отучился половину положенного в университете. Это пугало. У большинства знакомых уже были чёткие планы на жизнь, а я не знал, сколько мне осталось, и загадывать что-нибудь грандиозное было бесполезно. Сходить с ума – тоже. Но не из-за бесполезности, а из-за первобытного страха, захватывающего всё

моё тело в моменты, когда я готов был сорваться. Это давали о себе знать мои двадцать лет, проведённые в тепле родного дома, где не было место сумасшествию. Спокойная, размеренная и несомненно скучная жизнь – вот что стремились подарить нам с Асахи наши родители, и им это удалось.

Я не знал, сколько просидел, уткнувшись в свои лекционные записи, книги и учебные ролики. За окном уже давно стемнело, на фоне играла слабая мелодия, чтобы я не чувствовал себя совсем уж брошенным, а родителей всё не было. Помимо прочего начал болеть желудок: ещё не сильно, но то была тягучая, нарастающая боль, которая не отступит так просто, пока не вытянет из меня все жизненные соки.

Уткнулся лицом в ладони, устало его растирая. Хотелось, наверно, спать, но я не был уверен. Абсолютно ни в чём. Я мог бы и всю ночь просидеть над учебниками, просто не зная, чем ещё себя занять, в какую сторону пустить свой жалкий остаток энергии, чтобы забыться или хоть ненадолго обрести счастье.

Или не счастье. Уж больно сложное и непонятное мне понятие. Просто что-нибудь положительное, чтобы хоть на краткий миг я забыл обо всём, что терзало мою хилую душу.

В животе что-то булькнуло. А потом ещё и ещё. Я вцепился в край стола и зажмурился в надежде, что в скором времени меня отпустит, но боль запульсировала сильнее, точно кто-то пытался вспороть мне брюхо изнутри раскалённым ножом.

Как не вовремя зазвонил телефон, прерывая песню! С трудом разлепил один глаз, пытаюсь прочесть номер абонента. Это была мама.

– Да? – Я согнулся в три погибели, пытаюсь надавить на живот. Казалось, что от этого мне станет легче, но, разумеется, это не помогало.

– У тебя всё хорошо? – В её голосе слышались нотки волнения.

– Ага, – соврал я. – Просто ты меня немного отвлекла.

– А, прости! – Вряд ли мои слова убедили её, но так я значительно сократил время нашего диалога. – К нам перекрыли дорогу из-за снега, представляешь? Ты хоть успел вернуться домой?

– Угу.

– Уф, хорошо, а то я переживала. Думаю, мы с отцом доедем до Асахи, у них переночуем... или в отеле. Ещё не знаю. – Она говорила немного сбивчиво, явно волнуясь. – У тебя точно всё хорошо? Ты поужинал? Сахар в норме?

– Всё супер. – Я попытался выдавить из себя улыбку и почувствовал рвотный позыв.

Мама ненадолго затихла. На фоне я слышал какой-то шум. Вероятно, она спряталась в подсобке магазина, но даже оттуда слышались писк кассового аппарата и неразборчивые голоса покупателей.

– Ладно. – Она устало выдохнула. – Напиши мне утром, хорошо?

– Ага. – Чуть пошатываясь, я поднялся на ноги и поплёлся в сторону туалета. – Мне нужно готовиться к экзаменам, прости.

– Да-да, конечно, я понимаю. – Теперь я был уверен, что она улыбнулась. – Ты у нас такой умный, хах, прямо как Асахи! – На этот раз её сравнение с братом меня не задело; моё умение воспринимать информацию в принципе куда-то испарилось. Все мои мысли были заняты болью в животе: я представлял, как множество маленьких человечков пытаются изрезать меня на маленькие кусочки своими крохотными ножичками. – Всё, не буду тебя отвлекать. Не забудь выпить таблетки и поужинать! Люблю.

Я первый отключил телефон и, отбросив его на пол, вцепился руками в ободок унитаза, который даже не успел подняться. Шумно выдохнув и сморщившись, я чувствовал, как липкие капли пота стекают по шее и подмышкам. Прежде чем я очистил желудок, живот скрутило от нескольких сильных спазмов, из-за которых в уголках глаз выступили холодные слёзы – те потекли по щекам, когда меня рвало желудочным соком и кровью.

Я громко всхлипнул. Руки дрожали, перед глазами плыло. Я искренне верил, что умираю, и отказывался это так просто принимать: конечно, мало кто покидал этот мир красиво, но я точно не хотел это делать с перепачканным рвотой ртом и опухшими от слёз глазами на полу нашей маленькой ванной. Как угодно, но только не так.

В какой-то момент меня отпустило. Меня знобило, и не было сил подняться и привести себя в порядок. Я просто завалился на пол в жалких попытках выровнять дыхание. Дышать было тоже страшно. В голове сидела назойливая мысль, что неправильный вздох способен вновь вызвать рвоту, и тогда я уж точно выблевал бы все свои внутренности, в этом можно было не сомневаться.

– Хм-м, – раздалось уже знакомое хмыканье у меня над головой.

Мне было обязательно смотреть, чтобы понять, кто пришёл. Думать о том, как он это сделал, – тоже.

Чуть повернув голову, я смотрел на то, как он спустил воду и та с шумом унесла всё, что недавно было во мне, в канализацию. Затем он закрыл крышку и сел сверху, закинув ногу на ногу. Смотрел на меня, чуть склонив голову. Волосы, всё ещё собранные в хвост, слегка растрепались, и почему-то мне показалось, что резинка держалась только на честном слове.

– Возьми. – Он протянул мне бумажное полотенце.

Дрожащими пальцами я принял его и немного неловко утёр лицо. Содрогнулся всем телом, чувствуя, что в животе опять скрутило, и, подтянув ноги, сжался на манер испуганного ребёнка.

А может, всё же стоило умереть прямо сейчас?

В моей груди жгучим огнём полыхало болезненное противоречие, покрывая пеплом и обдавая жаром только две враждующие между собой мысли: «Я не готов умереть вот так вот» и «Какая, к чёрту, разница, если я разваливаюсь на глазах у всех».

Но ответ не приходил, сердце продолжало биться, а незнакомец, угрюмо взиравший на меня сверху вниз, выжидающе молчал, с неподдельным любопытством разглядывая моё болезненное лицо, покрытое испариной.

– Планируешь тут всю ночь пролежать? – без тени иронии спросил парень. Он нагнулся и смахнул волосы с моих глаз.

– Мгм.

– Хм-м... – в очередной раз задумчиво протянул он. – Прости, я не расслышал. Повтори.

Голос его звучал до противного заботливо, что совершенно не вязалось с поведением. Я устало прикрыл глаза, стараясь впитать в себя приятный холодок, гуляющий по полу. Мысли о том, чтобы самостоятельно подняться и уж тем более дойти до спальни, казались невероятно далёкими и недо-

стижимыми, поэтому я нечленораздельно пробормотал:

– Немгусам...

– Вот оно что. – Он подался поближе. – Тогда, надеюсь, ты не будешь против, если я тебе помогу?

Одна его рука скользнула мне под голову, другая – под колени. Он осторожно оторвал меня от пола и не спеша вынес из ванной. Я прижался лбом к его плечу, вдыхая непонятный мне запах, который пробуждал в моём хилом сознании давнее воспоминание о том, как мы с Асахи, когда мне было шесть или семь лет, приехали на зимние праздники к бабушке и дедушке. Они жили в небольшой деревушке в префектуре Яманаси, откуда открывался невероятный вид на гору Фудзи с одной стороны и на гладкое, похожее на зеркало озеро – с другой. Каждый день я вставал на рассвете и тайком пробирался в комнату старшего брата, потому что только из его окна я мог лицезреть гору и любоваться тем, как первые лучи солнца скользили по её заснеженной верхушке, точно сама богиня Амаэрасу⁷ любовно проводила по ней рукой, даря одному мне известное благословение. В те моменты я явственно осознавал свою незначительность в этом огромном мире, ощущая себя букашкой, неутолимо скачущей на самом дне, но отчего-то эти мысли не навели на меня тоску. Я просто признавал это и радовался тому, что мне поз-

---

⁷ Амаэрасу – богиня-солнце в японской мифологии, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто, согласно синтоистским верованиям, прародительница японского императорского рода.

волено лицезреть рассветную картину каждое утро, проведённое в их доме, впитывать в себя ту энергию, разливавшуюся по окрестностям с первыми лучами солнца, и воображать, что даже такая незначительная букашка, как я, по своему важна.

Из полудрёмы меня вытянул шорох одеяла, когда парень попытался меня укрыть. Сквозь полузакрытые веки я наблюдал за ним, всматриваясь в тонкие черты лица, чуть размытые от головокружения и сгущающейся ночной тьмы, разбиваемой слабым отсветом настольной лампы.

– Можно вас попросить? – Я попытался схватить его за запястье, но дрожь в пальцах всё не унималась.

– Конечно. – Он перехватил мою руку и аккуратно, словно боясь сделать мне больно, сжал её.

– На полке в холодильнике стоит сок. – Язык мой немного заплетался, но выговаривать слова было уже гораздо легче. – Можете принести? Любой.

Не сказав ни слова, парень легонько кивнул и, отпустив мою руку, скрылся в тёмном коридоре. До моего слуха донёсся знакомый звук открывающейся дверцы холодильника, сопровождающийся звоном стеклянных бутылок. Было странно представлять, что где-то там, в глубине дома, был кто-то посторонний, совершенно чужой, но мне не сделалось ни тревожно, ни радостно – просто странно, точно в позабытом наутро сне.

Когда он вернулся, я заставил себя найти силы, чтобы

сесть и принять картонный пакетик с пластиковой трубочкой, которую он любезно воткнул. Я сделал два больших глотка. В животе заурчало, сладкий вкус персика обволакивал весь рот изнутри, словно покрывая тонкой плёнкой.

– Кто вы? – спросил я, не глядя на него.

– Хм-м... – Незнакомец сел на моё рабочее кресло, подхватывая со стола словарь и без особого интереса листая его пожелтевшие страницы. – Что-нибудь слышал про Юки-онну?

Всё так же вглядываясь в плотно закрытую дверцу шкафа, я неуверенно кивнул. Не потому, что не знал мифологию, поскольку этот образ был не то чтобы сильно популярным, но известным, а из-за взаимосвязи с ним. Юки-онна⁸ – женский снежный дух, а никак не мужской.

Только из-за затянувшегося молчания я озвучил ему эти мысли.

– Всегда находил вас, людей, забавными и наивными. – Он отложил словарь в сторону и подкатился на кресле поближе ко мне. – Я не ёкай⁹ и не юрэй¹⁰, лишь бесполой сгусток энергии, вынужденный обитать в пределах существующего мира.

– Как заключённый?

– Как заключённый, – кивнул он.

---

⁸ Онна, отоко, хито – с японского «женщина», «мужчина» и «человек».

⁹ Ёкай – сверхъестественное существо в японской мифологии.

¹⁰ Юрэй – призрак в японской мифологии.

– Звучит... обречённо, – пробормотал я, наконец решившись повернуться к нему. Глаза незнакомца даже в полутьме сверкали, точно холодный лунный свет отражался на искристом снегу, играя переливами и красками. – Тогда почему же Юки-онна, а не Юки-отоко или Юки-хито?

Уголки его бескровных губ поползли вверх. Он откинулся на спинку кресла, запуская руку в свои серебристые волосы, которые сейчас действительно напоминали мне о первом снеге.

– Если бы я только знал. – Он удивлённо вскинул брови.

Поставив пустую коробочку из-под сока на прикроватную тумбу, я нелепо начал разворачиваться лицом к парню, вжимаясь спиной в прохладную стену. Подтянув колени к груди и обхватив их руками, я поставил на них свой подбородок, продолжая всматриваться в его бледное лицо. В какой-то момент мне почудилось, что оно становится полупрозрачным.

– Тогда почему же вы стали мужчиной? – Вопрос сам сорвался с губ.

– Хороший вопрос. – Кончики его губ дрогнули в подобии улыбки. – Просто стало... скучно.

Он произнёс это слишком спокойно, словно выбор стать кем-то новым и не выбор вовсе. Мне, как человеку довольно тревожному, мало была знакома «скука» в том понимании, о котором говорил незнакомец. У меня не было и крупицы той вечности, что расстилалась у его ног.

– Вот оно что... – Я понимающе кивнул, но скорбь тенью

легла на моё лицо.

– Да, в последнее время мне нравится именно этот облик – привычка, не более того.

– А почему вы выбрали меня? – Сердце тревожно сжалось, и я невольно задержал дыхание.

Тут замялся уже он – это было несколько неожиданно.

Я поёрзал на месте, пальцами вжимаясь в тощие коленки. Сквозь полуоткрытое окно пробиралась зимняя прохлада, остужая моё лицо и заставляя шторы слегка колыхаться от слабых дуновений.

– Если я скажу, что причин было несколько и одна из них – твои веснушки, ты мне поверишь? – В глубине его глаз будто бы что-то сверкнуло, и это заставило меня неуютно сжаться.

– В-веснушки? – смущённо прошептал я. – Вы что, они же похожи на грязь...

Парень проигнорировал мои слова. Вместо ответа он решил поразглядывать мою комнату, и всё его внимание было приковано к горе таблеток, томикам манги и моей немногочисленной коллекции жеод. Между его бровей залегла вертикальная морщинка, но он никак не прокомментировал свои мысли, поэтому мне оставалось только догадываться, что же из всего этого заставило его задуматься.

– Как тебя зовут? – полюбопытствовал он.

– Хагивара Акира, – едва слышно произнёс я. – Хагивара от леспедецы двухцветной¹¹ и поля, а Акира от осени и по-

---

¹¹ Растение из рода бобовых, которое цветет лиловыми соцветиями.

хищения¹².

– Осени? – Он жадно впился в меня взглядом, из-за чего по телу вновь прошла дрожь. – Какая ирония! Или, может, нам было суждено пересечься самой судьбой.

От столь пристального внимания мне стало и вовсе нехорошо, поэтому я поспешил задать ему вопрос, чтобы хотя бы на время отвлечь:

– Тогда как же мне называть вас?

– Как сочтёшь нужным. – Он улыбнулся как-то по-доброму. – Моё имя было похоронено в снегах, поэтому ты можешь дать мне новое.

Я задумчиво прикусил щёку изнутри, но в голову ничего не шло. Это больше походило на то, что я собирался дать кличку питомцу, а не человеку, духу или кем он там был на самом деле.

– Можно я буду называть вас Юки¹³? – Это была единственно верная мысль, пришедшая в голову.

– Разумеется. – Он лениво поднялся на ноги, одёргивая край своего свитера. – Тогда я тоже буду обращаться к тебе по имени, если ты, конечно, не против, Акира-кун. – Улыбка всё ещё не сходила с его лица. – Да и не будь таким занудным. Мы же почти ровесники, не стоит обращаться ко мне так,

---

¹² Японские имена состоят из нескольких кандзи (иероглифов), которые могут повторяться по звучанию, но отличаться по написанию, поэтому многие японцы поясняют, откуда были взяты «ключи» из их имени, чтобы собеседник понимал написание. Имя Акиры записывается следующим образом: #####.

¹³ Юки – с японского означает «снег» (## [yuki]).

словно я твой начальник.

– Почти ровесники, правда?

– Конечно же нет. – Он взмахнул рукой, приглаживая волосы. – Немного обманул, не бери в голову.

– О... – Я не был удивлён. – Понятно.

С минуту мы ещё молча смотрели друг на друга, и я не знал, куда себя деть: хотелось спрятаться от бдительного взгляда Юки и утопить себя на дне вместе с моим интересом – весь он был пронизан чем-то необычным, так и притягивающим всё моё внимание, но если я и позволял себе взглянуть на него, то сразу терялся.

Возможно, он смог почувствовать моё настроение, а потому произнёс:

– Тебе уже лучше, я рад. – Он потянулся рукой к моему лицу, и его холодные пальцы дотронулись до россыпи веснушек на носу, и от этого я весь будто бы одеревенел. – Тогда тебе стоит отдохнуть, а завтра... А завтра мы встретимся вновь, Акира-кун.

И опять, как и в первую нашу встречу, он растворился в снежном вихре, а я уже был уверен, что это не просто прихоть моего умирающего мозга. О нет, то было действительно что-то волшебное, прямо как рассвет на горе Фудзи из окна дома моих бабушки и дедушки, только на сей раз богиня благословила меня по-настоящему, взаправду.

Глава 4

С самого утра я был как на иголках. Последние слова Юки-сана, брошенные перед уходом, не выходили из моей головы. Они нагло перетягивали на себя все мои мысли, отчего сосредоточиться на учёбе было практически невозможно. Я успел напредставлять сотню вариантов того, как произойдёт наша встреча, в лучших жанровых традициях манги, но время шло, а он всё не появлялся.

– Хагивара-кун, ты здесь? – Ивасаки-кун помахал ладонью перед самым моим лицом.

Я вздрогнул, выдавливая из себя слабую улыбку:

– Да.

– Не похоже. – Он усмехнулся, заталкивая ноутбук в рюкзак. – Весь день будто в облаках витаешь. Что-то произошло? – Он задумчиво повёл бровью. – Дай угадаю...

– Нет-нет, правда ничего такого. – Я попытался отмахнуться, но по лицу однокашника было ясно, что он не собирался просто так отступить.

– Ты то хмурый, то счастливый. – Ивасаки-кун потёр острый подбородок, едва сдерживая вырывавшийся наружу смешок. – Либо что-то очень хорошее, либо нет.

Мы вместе поднялись и двинулись в сторону выхода из нашей небольшой аудитории. Я мельком глянул в сторону – он объяснял что-то девушке с заколочками в виде звёзд в во-

лосах. Голос Ивасаки-куна начинал тонуть в шумном потоке голосов других студентов, доносящихся со всех сторон.

– Отличная логика, Ивасаки-кун! – попытался пошутить я.

– Да ладно тебе. – Он по-дружески закинул свою руку мне на плечо. – Надеюсь, это всё же что-то хорошее.

Я молча кивнул, хотя по-настоящему не был уверен, можно ли считать приход Юки-сана хорошим и вообще настоящим. Вчера мне было ужасно плохо и одиноко, поэтому я мог и вообразить его, чтобы залатать ту брешь в душе, источающую вязкий страх перед неизбежным. Но в то же время это давало мне чётко понять, что, кем бы он ни был, рядом с ним мне становилось... легко. Свободно и совсем не так страшно. Согласно преданию, юки-онна был духом девушки, сгинувшей в снегах, а значит, он мог разделить со мной тот миг отчаяния, что ждал впереди.

И хотя стрелка часов близилась к вечеру, я продолжал надеяться, что он явится. Если честно, то я желал, чтобы он помог нырнуть мне в ту пучину безумия, о которой я тайно мечтал, но стоило об этом подумать, как меня охватывал нешуточный стыд, и перед глазами всплывал образ плачущей матери и разочарованного отца, которые отворачивались от меня, бросая через спину: «Как ты до такого дока-тился, Акира? Разве мы воспитывали тебя для того, чтобы ты творил такие безумства? Посмотри на своего брата. Он – пример и идеал, к которому ты должен стремиться».

– Эй, Хагивара-кун! – Ивасаки-кун закатил глаза. – Опять ты за своё?

– Прости. – Я только поморщился, пытаюсь отогнать мысли прочь, но вместо них в голову лез Юки-сан, который бесцеремонно врывается в наш университетский корпус и, хватая за руку, уводит меня прочь. Разумеется, в моей голове это выглядело невероятно ярко, круто и очень нереалистично. Юки-сан и не думал идти по написанному моей фантазией сценарию, чему, с одной стороны, я был очень рад, а с другой – совсем нет. – Задумался.

Тот только похлопал меня по плечу и, наспех попрощавшись, пошёл в сторону трёх девушек, которые что-то рьяно обсуждали, глядя в телефон. Стоило ему подойти, как одна из них невинно отвела взгляд, точно боялась смотреть на Ивасаки-куна, а другие только хитро посмотрели на неё, отпустив какие-то шутки. Вся эта немного приторная картина напомнила времена старшей школы. По сути, студенческие будни не сильно отличались от школьных. Разве что сейчас мы были взрослее, требования стали выше, да и пьянки каждую пятницу в стенах корпуса никто не отменял – обычно я их пропускал или тихонько отсиживался со стаканом воды, если не получалось отвертеться.

Поджав губы, я вцепился рукой в лямку рюкзака, чтобы его тяжесть не утянула меня вниз, а сам сонно поплёлся в сторону гардеробной. Занятия закончились, и особого желания торчать ещё несколько часов в университете у меня

не было: хотел успеть зайти в книжный, взять новый выпуск любимой манги и засесть с ней в любимой кафешке, где подавали мои любимые тайяки¹⁴.

Одеваясь, старался думать о словах сенсея на сегодняшней лекции, попутно пытаюсь построить план анализа заданного текста, но из раза в раз мысли утекали к размытым воспоминаниям, когда Юки-сан сидел в моём кресле и листал словарь. Это ужасно удручало, и в груди начинал разрастаться ком обиды за то, что он так тянет с выполнением своего обещания. Будь он моей фантазией, то несомненно не отступился бы от своих слов.

Метель продолжала бушевать, а власти Токио с ней едва справлялись – из-за этого сугробов становилось всё больше, и по университету ходил слухок, что ректор подумывает устроить незапланированные выходные в связи с тем, что в скором времени ситуация может стать чрезвычайной. Расписания поездов и другого наземного транспорта и так кардинально изменили, да и выходить из домов многим было сложно, поскольку за ночь снег успевал заваливать вход.

– Вот бы экзамены перенесли! – недовольно протянула девчонка, которая, как мне показалось, была первокурсницей. – Совсем ничегошеньки не успеваю!

– Да ладно тебе, Ми-тян, – ответил ей парень с моего потока. – Хочешь, можем позаниматься вместе?

---

¹⁴ Тайяки – японское печенье в форме рыбки с начинкой (самое популярное с джемом анко из бобов адзуки).

Она какое-то время смотрела на него, выгнув одну бровь, и только потом бросила:

– Ну тебя!

И вместе, взявшись за руки, они ушли. Не знаю, почему из всей толпы студентов моё внимание привлекли эти двое, но не согласиться с ней я не мог, потому что до экзаменов оставалось совсем чуть-чуть, уровень стресса рос, а мои мешки под глазами только увеличивались. Всё же на языке крутились шутки в стиле: «Может, я всё-таки умру раньше», но озвучивать их я не решался – чёрный юмор был нынче не в почёте, а прослыть парнем со странностями не хотелось.

От моего корпуса к воротам была протоптана широкая тропинка. Я шёл вперёд, глядя только себе под ноги, – нарочно надавливал пяткой, чтобы оставлять отметины поглубже. Это казалось невероятно занимательным процессом, поэтому я и не заметил, как вышел за пределы территории университета.

– Так и под машину попасть недолго. – Меня дёрнули за рукав пальто. – Привет.

За сегодняшний день я сотню раз представлял себе это, но стоило Юки-сану оказаться передо мной во плоти, как я будто бы проглотил язык. Стоял, вылупившись на него, не смея проронить ни слова. Даже моё любимое мычание превратилось в давящую тишину.

– Хм-м... – Юки-сан поджал губы, чуть наклонив голову к плечу. – Что-то случилось, Акира-кун?

Я обернулся. Большинство нас банально не замечало, но небольшая шумная группа ребят с интересом поглядывала на Юки-сана. В основном, конечно, девушки, и смотрели они именно на него, а не на меня – своего рода знак, что если я разговаривал с пустотой, то они вели бы себя чуточку иначе. Это должно было меня успокоить, но тревога всё равно выворачивала меня, щекоча изнутри.

– Нет, всё нормально, Юки-сан, – с трудом заставил себя говорить я. – Просто не ожидал вас здесь встретить.

Кажется, он мне не поверил, но это не имело особого значения. По крайней мере, я надеялся, что он не станет придумывать себе что-то, что может заставить меня чувствовать себя ещё более неловко, чем есть. Всё же комфорт и свобода рядом с ним чувствовались лишь в мыслях, а на деле я не мог и двух слов связать.

– Вы что-то хотели? – поинтересовался я, выдёргивая из его пальцев рукав своего пальто.

– Да. – Юки-сан скрестил руки на груди. – Но, может, у тебя уже были планы?

– А что? – посмотрел на него с подозрением и не пытался этого скрыть.

– Хотел составить компанию. – Он нагнулся, и его бледное лицо расплылось в улыбке, которую я мог бы назвать приятной, но в то же время и немного пугающей. Невероятно странная комбинация. – Но если у тебя нет никаких планов, то я готов предложить свой.

Спорить было бессмысленно, потому что прозвучало довольно интригующе, но и так быстро сдаваться я не хотел – сам не знал почему. Нарочно повернулся к нему спиной, цепляясь глазами за рекламный баннер. Приоткрыл было рот, чтобы выдать одну из тех лихорадочно крутящихся мыслей, что были в моей голове, но Юки-сан меня опередил:

– А-ки-ра-кун!

Он подошёл ко мне вплотную и нагнулся через моё плечо. У меня перехватило дыхание, а каждая клеточка моего тела напрягалась так, будто бы стоит мне шевельнуться, как опасная змея вопьётся своими острыми зубами в мою плоть, – нет, я больше не боялся его как сумасшедшего, увязавшего за мной тёмным вечером на станции, но всё же было в нём что-то, что вызывало во мне нешуточный страх.

Я вздрогнул, отскакивая в сторону. Всё было ничего, но Юки-сан казался довольно-таки навязчивым. Это сильно смущало.

– Да-а. – Мой голос прозвучал сипло, и потому мне пришлось откашляться. – У меня были планы, но, знаете, я могу их перенести.

– Вот как. – Он выпрямился и посмотрел на меня с прищуром. Каждый раз от его пронзительного взгляда мне хотелось сбежать и спрятаться где-нибудь настолько далеко и глубоко, что никто вовек не смог бы меня отыскать. – Не стоит. Я уверен, что мы вполне можем успеть сделать и то и другое.

– То есть ваше предложение было... – Я зябко потёр руки в попытке их согреть; кожа на тыльной стороне успела немного огрубеть и обветриться. – Вы, Юки-сан, в любом случае отвели бы меня туда, куда хотели?

– Конечно, – совершенно спокойно ответил он, и мне почему-то сделалось жутко. Он это сразу же заметил и, парировав одной рукой, добавил: – Не смотри на меня так, будто я задумал нечто ужасное.

– Откуда же мне знать, что вы не замыслили что-нибудь нехорошее?

– Откуда же тебе хоть что-нибудь из этого знать? Тебя будет ждать сюрприз, Акира-кун. – Юки-сан немного поморщился, запуская руку в волосы. – И обещаю, что ничего плохого тебе не сделаю.

– Плохого? – Всё же я осмелился подойти к нему. – То есть сюрприз будет приятным? – Было даже странно ждать это от такого, как он.

– Несколько странный вопрос. – Неожиданно он оказался за моей спиной и прошептал: – Всё зависит только от тебя... – На долю секунды он замолчал; несмотря на то что он казался тёплым, как живой человек, от него будто исходил мороз.

Он выпрямился.

– Прости, – проронил он, – если напугал.

Извинения звучали несколько странно, но не потому, что он произносил их как-то иначе, а из-за того, что вся эта си-

туация заставила меня больше волноваться, чем злиться или негодовать. От мыслей, что кто-то может сделать мне приятный сюрприз, почему-то сделалось ещё паршивее, чем до встречи с Юки, и, мысленно обругав себя, я нервно засунул руки в карманы. Пальцы нащупали старый скомканный кассовый чек, который я мигом начал скручивать и растирать меж пальцев, пытаясь тем самым себя отвлечь.

– Так куда вы хотели меня отвести? – Я старался придать своему голосу безразличия. – Понимаете, у меня ещё полно дел, давайте лучше покончим с этим сейчас.

– Хм-м... – Он неторопливо двинулся вверх по улице так, чтобы я смог его спокойно нагнать. – Акира-кун, ты же понимаешь, что я так просто не отстану от тебя?

Вместо ответа я лишь вопросительно взглянул на него. По правде сказать, об этом я думал меньше всего. Фантазии о том, как мы сбегали из университета, казались мне чуть более яркими и динамичными, чем попытки копать в первопричинах интереса ко мне снежного духа.

– Почему? – Мой вопрос прозвучал совсем по-детски. – То есть... я должен что-то сделать?

– Да.

– И что же?

– Просто позволь мне помочь тебе.

Юки-сан скосил на меня свой взгляд, с неподдельным интересом наблюдая за моей реакцией. Я же зарылся лицом в шарф, всячески делая вид, что замерзаю.

– Помогать? Мне? – Я не сильно хотел вредничать, но слова сами сорвались с языка.

– Потому что ты в этом нуждаешься.

– Вам-то откуда это известно?

– Ну... – Он повернулся ко мне, продолжая идти спиной вперёд. В уголках его глаз появились едва заметные морщинки. – Вряд ли найдётся много людей, от скуки прыгающих под поезд.

Я дёрнул плечами. Несмотря на то что прохожие обращали на нас минимум внимания, мне стало не по себе от того, что слова Юки-сана могли быть услышаны кем-то посторонним: не то чтобы я действительно намеревался оборвать свою жизнь, но открывать другим свои несколько мрачные мысли не желал. Просто так вышло, что именно он стал свидетелем той глупой и необдуманной сцены на станции и упоминал об этом настолько часто, что к горлу уже начал подступать ком, а губы расплываться в кривой улыбке – такой же нелепой, как и я сам.

Решил просто игнорировать его слова, если они касались того дня, – вспоминать непреодолимый ужас, который охватил меня перед самым приближением поезда, было действительно страшно. Будто наяву я видел ослепительные огни фар и слышал громоподобный рёв поезда, разрывающий голову изнутри и заставляющий сердце биться настолько сильно, словно оно вот-вот преодолеет преграду в виде грудной клетки и исчезнет где-нибудь далеко – подальше от поезда,

болезни и той короткой жизни, которую отвела мне судьба. И я бы прекрасно понял своё сбежавшее сердце, окажись на его месте. Но я не был. Мой побег обозначал лишь одно – смерть.

Ноги начинали уставать. Идти по снегу было тяжелее, чем без него, да и к тому же дорожка была невероятно скользкой, и несколько раз я чуть не навернулся – Юки-сан ловко успевал ухватить меня за руку или подставить ладонь под спину, чтобы ставить на место. Однако вместе с этим он упорно молчал о пункте назначения. Возможно, то была его маленькая месть за то, что я всё время огрызался и строил из себя невесть что, но после его слов про поезд мы шли, дружно храня молчание, и тишина эта была до того приятной и одновременно с тем отвратительной, что я потихоньку сходил с ума: острое желание полностью ему воспротивиться и сбежать домой коварно следовало параллельно с любопытством, раздирающим разум. В конечном счёте я просто закусил губу, впиваясь в неё зубами настолько сильно, что вскоре почувствовал слабый солоноватый привкус.

В сгущавшихся сумерках праздничные огоньки засияли ещё ярче, напоминая мне безобразную россыпь звёзд: одни быстро мигали, отыгрывая какой-то мотив в такт весёлой мелодии, другие просто собирали вокруг себя восторженных людей. Какая-то пожилая пара делала селфи на фоне подвешенной над головой гирлянды, и на краткий миг мне показалось это очень милым. Хотел бы я тоже дожить до старо-

сти, учиться справляться с неустанно меняющимися технологиями и сетовать на распустившуюся молодёжь – в этом была своя определённая романтика.

Но вместо чего-то уютного, где можно было бы приятно расположиться и сделать вид, что мы не блуждающий дух и умирающий парень, а обычные, нормальные люди, Юки-сан вывел нас к обшарпанному зданию. Оно было небольшим, чуть больше жилого дома, и зажатым между двумя другими полузаброшенными строениями. Над входной дверью висела кованая вывеска «Обитель г-жи Кицуко». Иероглифы были частично позолочены, но, несмотря на показавшуюся мне изначально небрежность, выглядели довольно органично и интересно. Рядом со входом стояло несколько мужчин с зажатыми меж зубов сигаретами. Сизый дым плавно стремился на небо, изредка подталкиваемый порывами ветра чуть в сторону. Сковывающую темноту нарушали только свет от экранов смартфонов, в которые уткнулись мужчины, тусклый фонарь около дороги и слабые алеющие огоньки табака – по тому, как они перемещались в пространстве, было понятно, что пепел незнакомцы скидывали на соседний участок.

– Юки-сан, вы уверены, что мы пришли по правильному адресу? – Лично я так не думал. Это место почему-то пугало меня до чёртиков.

– Ага. – Он высунул руки из карманов и свободно двинулся ко входной двери. – Идём.

Выругавшись про себя, я подбежал к нему. Всё же не смог удержаться и схватил его за край пальто, стараясь смотреть себе под ноги, а не на мужчин. Юки-сан не стал меня отталкивать и позволил прицепиться к себе, точно я был нерадивым ребёнком, который и шага не может ступить без мамочки.

Внутри оказалось просторно. Не из-за большого пространства, а из-за отсутствия мебели как таковой – это был не чей-то дом, а выставочный зал. Лампочки горели тускло, практически не давая освещения, но экспонаты подсвечивались отдельно так, что их с лёгкостью можно было рассмотреть.

В одну сплошную кучу здесь собрали всё: картины, скульптуры, даже некоторые предметы обихода были поставлены на пьедестал. Всё это многообразие объединяло одно – золотой узор, расплзающийся по ним точно паутинка.

– Кинцуги¹⁵, – прошептал мне на ухо Юки-сан.

Мы всё ещё топтались в коридоре. Я запоздало заметил, что он уже скинул с себя пальто и вешал его на вешалку. Неловко я начал разворачивать свой шарф, путаясь в собственных руках. После холодной улицы помещение казалось немного душным, и пропитано оно было едким запахом благовоний, от которых меня зачастую начинало мутить.

---

¹⁵ Кинцуги – японское искусство реставрации керамических изделий с помощью лака, полученного из сока лакового дерева, смешанного с золотым, серебряным или платиновым порошком.

– Не суетись, – выдохнул Юки-сан, но не было в его тоне ни капли усталости. Больше смахивало на то, что мои действия его веселили. – Подожди.

Он ухватил меня за руки и, оторвав их от шарфа, отпустил. Только после того, как убедился, что я больше ничего не пытался предпринять сам, он помог мне избавиться от надоедливого шарфа и вместе с тем от пальто. Мне стало неловко, и, переминаясь с ноги на ногу, я смотрел на его спину, скрывавшуюся за толстым белым свитером.

– Мне не пять лет, я и сам мог бы раздеться.

– Мне несложно тебе помочь, – улыбнулся он.

– Мгм.

Поспешил вслед за ним снять обувь и пройти в главный зал, где гости уже всю обступили экспонаты и обсуждая их с, как мне показалось, несколько наигранным серьёзным видом.

– Почему именно сюда? – с искренним любопытством спросил я, разглядывая мраморный бюст какого-то мужчины. Самая глубокая трещина, залитая золотом, начиналась от его отвалившегося носа и пересекала всю левую часть лица, уходя на затылок. – Я спрашиваю даже не про саму тему выставки. – Отвернувшись от бюста, я с лёгким недоумением взглянул на Юки-сана. Тот скрестил руки на груди, и взгляд его был устремлён куда-то в пространство, сквозь скульптуру. – Почему именно... это место? Как вы его нашли?

– Хозяйка выставки – моя давняя знакомая, – тихо про-

изнёс он, отходя от бюста к картине на стене. Та тоже была изрезана на лоскуты, а после склеена. – Она сейчас беседует вон с теми молодыми людьми.

Юки-сан кивнул в сторону, при этом продолжая разглядывать туманный пейзаж, изображённый на порванном полотне. Я осторожно посмотрел в ту сторону и заметил группу из пяти человек. Четверо обступили молодую девушку и, внимательно слушая её, синхронно кивали и улыбались, когда того требовали обстоятельства.

Сама хозяйка вечера была... необычной. Точнее, имелось в ней что-то, что вызывало смутную тревогу и волнующий трепет в груди, но с одного взгляда было непонятно, дело в её экстравагантном стиле или в чём-то ином: прямая чёлка, волосы до середины шеи за исключением нескольких прядей, обрамлявших лицо и почти достигавших ключиц. Радужка её глаз напоминала мне глухую беззвёздную ночь, а уголки их были подведены алым, отчего глаза казались длиннее, а взгляд – хитрее. Пухлые губы были накрашены бордовой, почти чёрной помадой, след от которой остался на её бокале с вином. В какой-то момент девушка посмотрела в мою сторону, и в уголках её губ притаилась тень усмешки.

– Ого! – Это единственное, что я смог из себя выдавить.

Тем временем она быстро распрощалась с теми, с кем вела беседу минуту назад, и, залпом осушив бокал, двинулась в нашу сторону. Ростом она доходила мне до подбородка, но это не мешало ей смотреть на всех свысока.

– Нии-тян!¹⁶ – Широко улыбнувшись, она стремительно подлетела к Юки-сану и, обхватив того свободной рукой за шею, привстала на носочки. – Ты всё же пришёл!

Тот несколько опешил и не сразу заметил, как кто-то прицепился к нему. Вернув лицу маску холодного самообладания, он нежно приобнял её за талию. Она ластилась к нему, щекоча носом шею и что-то торопливо рассказывая. Я почувствовал себя чужим и лишним. Отвел взгляд и заметил несколько диванчиков в самом углу. В голове промелькнула очаровательная мысль улизнуть от них и просидеть там до конца вечера, чтобы мне не сделалось паршивее.

Только я хотел по-тихому свинтить, как Юки-сан произнёс:

– Да, мне захотелось показать ему твои работы.

Их взгляды устремились на меня, и оба глядели до того пристально, что вдоль позвоночника прошла волна холода. Столь обильное внимание мне ужасно претило, поэтому выглядел я наверняка напуганным и застигнутым врасплох.

– Что ты творишь с бедным мальчиком? – Она драматич-

---

¹⁶ Нии-тян – братик.

но поджала губы, отлипая от него и прилипая вместо этого к моему плечу. Её миниатюрная ладошка поглаживала меня по волосам, играя с их чуть непослушными кончиками. – Если он держит тебя в заложниках, то моргни три раза.

– Не приставай к нему. – Юки-сан вернулся к разглядыванию картины.

– Но он такой... милый! – Она встала прямо напротив меня и, ухватившись за щёки, начала тискать, точно я был котом. – Можно узнать, как тебя зовут?

– Хагивара Акира. – Из-за того, что она оттягивала щёки, голос мой прозвучал забавно.

– А я Кицуко Аканэ, невероятно рада знакомству! – Довольно скоро ей надоело забавляться с моим лицом. – Знаешь, ани¹⁷ рассказывал о тебе... – Она закусилла нижнюю губу, краем глаза наблюдая за Юки-саном.

Я точно не знал, как стоило реагировать на такое заявление. Зачем бы ему кому-то рассказывать обо мне – вся эта ситуация выглядела жутковато, но ни Юки-сан, ни Кицуко-сан, вероятно, не разделяли таких мыслей. Напротив, она подхватила нас под руки и потащила в сторону одной из своих работ, попутно рассказывая о том, как к ней пришла эта идея:

– Вообще-то, я не считаю себя уж больно сентиментальным... э-э-э... человеком, но в жизни каждого так или иначе могут возникнуть некоторые обстоятельства, которые впо-

---

¹⁷ Ани – старший брат (фамильярное обращение).

следствии разобьют вас вдребезги, а остатки разотрут в порошок, чтобы не осталось ничего, кроме пустой оболочки.

– Звучит как-то грустно, – пробормотал я.

– Неужели ты говоришь про того бесящего журавля? – Юки-сан чуть удивлённо вскинул брови. – Тебе нужно было перекусить его шею в тот самый день, когда вы встретились.

Кицуко-сан нахмурилась, но даже сквозь маску поддельной злости проступала ещё не успевшая зажить душевная рана: её выдавали чуть подрагивающие брови, едва заметная набухшая венка на лбу и вымученное выражение лица. И хотя я мало что понимал из их разговора, слова Юки-сана показались мне несколько жестокими. Умение думать прежде, чем говорить, в какой-то момент пропало, а потому я не умолчал:

– Какая необычная метафора, Юки-сан, но не слишком ли... Я к тому, кто же перекусывает другим шеи?

– Лисицы.

– Лисицы? – переспросил я.

– Ты же не думал, что я один на всём свете не-человек? – Он смерил меня снисходительным взглядом. – А-тян вот ки-цунэ¹⁸.

– Эй! – Она шлёпнула его по плечу, но тот только слабо улыбнулся, подмигивая мне. – Если ты решил трепать о себе направо и налево, это не значит, что можно и о других! Имей совесть, нии-тян, иначе вместо журавлиной шеи будет твоя.

---

¹⁸ Кицунэ – лиса-оборотень, известный ёкай японской мифологии.

Конечно, в сказках кицунэ частенько принимали образ красивых девушек, но я не думал, что одна из них могла стоять рядом. В голове всплыли обрывки легенд, которые я слышал раньше: в одних у кицунэ были невероятные способности, а в других они поедали человеческую печень. Однако после того, как Юки-сан успел опровергнуть половину сказаний о себе самом, я не мог с уверенностью утверждать, что на обед Кицуко-сан вспарывала брюхо незадачливому посетителю своей же выставки или какому-нибудь ухажёру, который рассчитывал провести с ней ночь.

– Так вот почему у вас такая фамилия, да? – Я мельком попытался посмотреть на неё сзади в надежде разглядеть хвост или хвосты, но в ответ она просто ущипнула кончик моего уха, слегка выворачивая его. От боли я тихонько закричал и нагнулся. – Р-ребёнок л-лисицы¹⁹... Не бойтесь, что вас разоблачат?

– Нет, – сухо отозвалась она.

– Простите. – Как только она отпустила меня, я поклонился настолько низко, что спина заныла. – Я правда не хотел.

Она только шумно вздохнула. Её длинные пальцы зарылись в мои чуть растрёпанные волосы. От каждого её прикосновения меня пробирало волной приятной дрожи, и разгибаться уже не сильно-то и хотелось, несмотря на то что чёлка упорно лезла в глаза, а очки предательски скатывались к кончику носа.

---

¹⁹ Кицуко – игра слов. Фамилия состоит из части слов «лисица» и «ребёнок».

– Ладно-ладно, вы же пришли слушать не про моё разбитое сердце и то, как в порыве злости я разнесла все свои работы.

Меня потрепали по плечу, но это точно была не Кицуко-сан – та уже отошла, да и на концах её тонких изящных пальцев были островатые ногти. Я разогнулся и встретился взглядом с Юки-саном. Он склонил голову чуть набок и властно произнёс:

– Хватит извиняться. Идём.

И я послушно последовал за ним. Чувствовал себя очень неоднозначно и, вжав голову в печи, немного ошалело впибался взглядом в экспонаты, старательно делая вид, что меня больше ничто не волновало. Однако долго притворяться у меня не вышло, поскольку Кицуко-сан свернула в совершенно пустынный коридор и вывела нас к одинокой двери. С подкатывающим к горлу страхом я пытался прикинуть, что могло ждать внутри, и чутьё моё кричало, что явно ничего хорошего.

– Надеюсь, часа вам хватит.

– Да, думаю, вполне. – Юки-сан слегка поморщился, но всё равно утвердительно кивнул.

Прозвучало довольно пугающе, и от накатывающих волнами мыслей стало трудно дышать и закружилась голова. Конечно, я всячески старался сделать вид, что мне всё равно, но понимал, что ноги и руки мои одеревенели, и если бы меня попросили сделать шаг, у меня бы не вышло.

Вставив маленький серебряный ключик в ручку, Кицуко-сан открыла дверь, за которой оказалась небольшая полупустая комната: три стены были полностью покрыты зеркалами в пол, а у той, что осталась свободной, стояли большой телевизор и несколько спортивных ковриков и гантелей.

– Я тут обычно йогой занимаюсь. – Она скривилась, заметив, как пристально я разглядывал её скудный спортивный инвентарь. – Но надеюсь, вас это не будет сильно отвлекать.

– Нет, всё нормально. – Юки-сан схватил меня за руку и потащил внутрь. – Можешь начинать, А-тян.

Дверь за нами закрылась. Я отшатнулся в сторону, как можно дальше от Юки-сана, но спрятаться от него у меня бы ни за что не вышло. Его отражения в зеркалах, как и он сам, были повсюду, и это доставляло немалый дискомфорт – с замиранием сердца я ждал чего-то ужасного. Однако когда Юки-сан поставил в центр комнаты железную банку с золотой краской, я лишь удивлённо выдохнул.

– Так и будешь стоять с видом испуганного крольчонка? – Он сел прямо на пол, устланный татами. – Я правда не трону тебя. Успокойся.

Не чувствуя ног, я сел напротив, бездумно смотря на банку и совершенно не понимая, что происходит.

– Юки-сан, – сдавленно пробормотал я, – зачем всё это?

– Что именно? – В это время он поднёс банку к своему лицу, с интересом изучая состав краски.

– Зачем остановили меня на вокзале? Зачем пытались

стать моим учеником? Зачем пришли ко мне домой? Зачем попросили дать вам имя? Зачем привели на эту выставку... Я... Я правда ничего не понимаю.

– Но я же уже ответил тебе на все эти вопросы. – Он подтянул к себе колено и, поставив на него локоть, взглянул на меня. – Разве этого недостаточно?

Я замолчал, сжимая ладони в кулаки. Все его слова, как и он сам, казались мне лживыми и ненастоящими. Я был всего лишь больным пареньком, который топил себя в учёбе. Я не был ни особенно умным, ни интересным – всё моё естество окружала аура самобичевания и обречённости, а это те черты, которые только отталкивали остальных. Моё одиночество порождало ещё большее одиночество, и не было ему конца.

– Нет, недостаточно, – оборвал его я. – Какая вам разница, нуждаюсь ли я в ком-то или нет? Почему я? Веснушки, правда? Вам не кажется это... глупым?

Юки-сан шумно выдохнул. Он поставил банку с краской обратно на пол, а сам подтянулся ко мне. Я хотел было отодвинуться, но он цепко ухватил меня за плечо, вжимая в то место, где я сидел.

– Разве причина обязательно должна быть умной и возвышенной? Нести в себе скрытый смысл? – Его рука надавила мне на затылок, и мы легонько столкнулись лбами. Юки-сан прикрыл глаза, его светлые ресницы чуть подрагивали. – Можно считать, что так было предначертано судьбой: я спа-

саю тебя, а ты – меня.

– Я-я не умею спасать... – Через силу я заставил себя говорить, но вышло настолько сдавленно, что звук моего голоса тонул в отзвуке дыхания.

– Хах! – усмехнулся он. – Будто кто-то по-настоящему это умеет. Акира-кун! – Он открыл глаза, и на дне их я увидел глухую печаль. Этот обречённый взгляд был мне знаком настолько сильно, что я явственно ощутил боль, живущую в сердце Юки-сана. – Нам обоим нужен кто-то – так почему бы нам не помочь друг другу?

Слова застряли у меня в горле, и всё, что я мог, – это смотреть на его неестественно гладкое бледное лицо. Во мне заскользили одновременно зависть и страх, ведь сам Юки-сан являлся всего лишь образом; настоящий он давно был уже мёртв.

Наверное, отчасти я видел в нём себя, и от этого становилось в разы больнее, словно моё сердце сжимали в тисках.

– Конечно, если я тебя настолько пугаю, то я исчезну. – На его губах появилась тень улыбки. – Но сперва позволь... – Он отодвинулся и начал снимать с себя свитер. Заметив мой испуг, он поспешно добавил: – Это не то, о чём ты подумал. Ха-ха, Акира-кун, неужели тебя так легко смутить?

– Нет... э-э-э... просто... – Я растерялся.

– Как и сказала А-тян, некоторые... обстоятельства... – На этом слове он немного замялся. Я понимал, к чему он клонит, но почему-то привычное раздражение так и не вски-

пело, заставляя эмоции лишь натянуться до предела. Быть может, мне бы и хотелось вспылить или обидеться, но он говорил о моём состоянии настолько просто, что я не чувствовал с его стороны приторной жалости, которая так часто сводила меня с ума. – ...могут разрушать. Знаешь, Акира-кун, я довольно много прожил на этом свете, если существование в виде духа можно назвать жизнью. – Он ухмыльнулся, ту же затягивая волосы на затылке. – И пускай многие воспоминания безбожно стёрлись под гнётом времени, порой в груди разливается мнимая всепоглощающая боль о множествах сожалений и ошибок, которые я так или иначе совершал: что при жизни, что после.

Юки-сан положил ладонь себе на грудь. От напряжения я подался немного вперёд и сразу же в испуге выпрямился, когда заметил расплзающуюся паутинку трещин на его бледной коже. Сидя передо мной в этой душной комнате, он напомнил мне сломанную фарфоровую куклу, которую бросили и забыли, оставив покрываться слоем пыли. И сейчас я чувствовал себя несмышлёным ребёнком, которому она попала в руки: я не понимал, что мне следовало с ней делать, но чётко осознавал, что если она и вправду сможет скрасить моё одиночество, то это было тем самым, чего я так давно хотел. Подарком уж самой судьбы или нелепым стечением обстоятельств – неважно. Пусть даже спасательным кругом в бушующем море, где нет шанса на спасение. Наша встреча дарила столь желанное чувство, словно я не был одинок.

– Юки-сан. . . – Мой голос дрогнул, когда трещины расширились и вскоре несколько больших и маленьких кусочков, так похожих на осколки, упали на пол.

– Не переживай. – Он мягко улыбнулся. – Это всего лишь способность А-тян. Своего рода иллюзия, не более того.

– А, – выдохнул я, глядя в бездонную чёрную дыру в его груди. – А-а-а. . . – Тут до меня дошёл смысл происходящего, и я не смог удержаться и горько ухмыльнулся: – Вот оно что!

– А теперь, Акира-кун, твоя очередь показать, где твоя самая глубокая рана.

Я, как и Юки-сан, приложил руку к сердцу, но ничего не почувствовал. Всё моё тело изнывало от боли: мои бескров-ные пальцы, усыпанные точками от игл, желудок, который скручивало временами с такой силой, словно в меня запики-вали блендер, как и другие органы, которые постепенно умирали, предварительно испытывая меня на прочность, чтобы я не смел забывать о своей смертности. Но всё это было не то.

Боль физическая никогда не шла в сравнение с душевной. Так много вокруг было тех, кто был обречён, как и я, но у них хватало смелости улыбаться сквозь боль и нести в этот мир радость, заражая всех вокруг своим ослепительным оп-тимизмом. Каждый раз, когда я встречался с такими ребята-ми, меня начинало тошнить от самого себя. Я так часто за-давался вопросом: «Почему я не могу дожить свой остаток в счастье, как они?», что совершенно потерял смысл этих слов. Для чего? Для чего мне бороться? Неужели ради нескольких

лишних месяцев под этим небом, которые я всё равно провёл бы в жалком состоянии овоща? Я искренне не понимал, и мне было страшно.

Зато я чётко осознавал, что главная моя рана, та самая, которая не давала вздохнуть свободно, находилась исключительно в моей голове – в мыслях, очерняющих реальность вокруг.

– Тут. – Я ткнул себя в лоб. – Глупо, правда?

– Совсем нет. – Юки-сан качнул головой.

Повернувшись к одному из зеркал, я смотрел на то, как трещины расползались по моему лбу. Мне было не больно, но очень не по себе, когда я вытаскивал из своей головы куски самого себя.

Я был точно такой же поломанной куклой, как и Юки-сан, с одной лишь разницей, что вокруг меня то и дело сновало множество людей, твердя, как им жаль такое несчастное существо, как я. Они заботливо стряхивали с меня пылинки, усаживали на самые видные полки, но, проходя мимо, смотрели с застоявшейся горечью и потаённым желанием, чтобы эта кукла поскорее развалилась, – пережить утрату легче, чем наблюдать за тем, как кто-то постепенно умирает, а ты не можешь с этим ничего сделать.

– Юки-сан, – хрипло прошептал я, – а вы...

– М-м-м?

– Вы правда будете со мной до самого конца? – Я развернулся к нему, и на губах у меня заиграла истеричная улыбка,

а в носу противно защищало. – Вы правда будете рядом, что бы я ни сделал или сказал? Неужели вы и правда согласны слушать моё бесконечное нытьё? А готовы ли вы к тому, если... – Я начал задыхаться, глядя на него округлившимися глазами.

Не мешкая ни секунды, Юки-сан притянул меня к себе и, сжав, прошептал:

– Правда.

Я сглотнул. Хотелось рассмеяться и разрыдаться, но вместо этого из горла вырвался мучительный стон, и, хлопнув носом, я обнял его в ответ. Это был один из немногих случаев, когда мне не хотелось кого-то оттолкнуть, а объятия приносили только успокоение, а не тревогу. Он приложил свою щеку к моей макушке, и мы просидели так, пока я не успокоился.

– А теперь, Акира-кун, давай залатаем наши раны вместе. – Юки-сан придвинул поближе к нам ту самую банку, в которой была не краска, как я полагал раньше, а лак.

– Так вот зачем вы меня привели на выставку кинцуги! – Я растёр лицо, глядя на золотую жидкость. – Не слишком ли сильно вы всё усложняете?

– Ты настолько часто меня игнорировал, что запереть тебя в комнате для йоги и наглядно показать то, что у тебя на душе, оказалось проще, – рассмеялся он, нанося на один из осколков лак, и, точно пазл, начал собирать мою голову по частям. – И вообще, хватит уже обращаться ко мне на «вы». –

Он в своей излюбленной манере вскинул подбородок. – Я начинаю чувствовать себя невероятно старым.

– Но вы... То есть ты и есть старый. – Мне было неловко, поэтому я ещё активнее начал наносить лак на осколки из груди Юки-сана... точнее, Юки-куна. – Сам же сказал, что прожил долгую жизнь, – простое уважение.

Он смерил меня пронзительным взглядом и, чуть скривившись, заключил:

– И кто из нас ещё всё усложняет?

Глава 5

– Уйди, пожалуйста. – Юки-кун уже основательно действовал мне на нервы.

– Но она же опаздывает. – Как ни в чём не бывало он подтянул к себе мою тетрадь и, открыв её на последней странице, начал рисовать всякую ерунду. – А мне скучно.

– Разве я силой тащил тебя с собой? – В какой-то момент я забыл, что хотел сделать, и, чуть сторбившись, наблюдал за тем, как он выводил аккуратные круги, закрашивая их настолько тщательно, что мне стало не по себе.

– Нет, но я был не против.

Юки-кун отшвырнул ручку, с какой-то гордостью глядя на свои каракули. Несмотря на взрослый вид, сейчас он вёл себя хуже ребёнка. Я вспомнил себя в этом возрасте: мне и в голову не приходило послушаться родителей, и если те говорили: «Хватит», то я мигом им подчинялся.

Они так часто хвалили и превозносили брата, что я искренне полагал: моё послушание их только порадует, ведь большинство сверстников не были столь покладисты. Часто слышал, как мамыны знакомые нахваливали меня, но сейчас, вспоминая всё это спустя много лет, я понимал, что в этих похвалах присутствовала доля жалости. Им было странно видеть настолько апатичного и несомненно странного ребёнка, так похожего на робота, готового служить и выпол-

нять отданные приказы.

Да, я всегда был немного не таким. В плохом смысле этого слова.

– Всё, у-хо-ди. – Я достал из кошелька несколько купюр и положил их прямо перед Юки-куном. – Возьми себе что-нибудь и отсядь. Ты будешь только мешаться.

Он задумчиво постучал пальцами по столешнице и всем своим видом показывал, что уходить не намерен. Это начало меня по-настоящему злить, к тому же Накаяма-тян заметно опаздывала, чего с ней никогда не происходило. Вероятно, проблема с транспортом добралась и до неё, но на сей раз мне было некуда спешить – первоочередной целью было избавиться от Юки-куна до её появления.

– Сколько раз мне ещё повторить, чтобы ты ушёл? – Я искренне старался держать себя в руках, а он будто проверял меня на прочность. – Слушай, есть вопрос.

– Давай. – Юки-кун упёрся локтями в стол и наклонился поближе, когда я легонько поманил его к себе, точно собирался рассказать секрет. – Я весь внимание.

– У тебя когда-нибудь были проблемы с географией?

– Э-э-э... – Он выпрямился и задорно улыбнулся. – Нет.

– Если на хрен пошлю, ты заблудишься?

– Ого, Акира-кун! – Мой вопрос привёл его в восторг. – Если на твой, то нет. – Но как только увидел, каким суровым взглядом я его смерил, поспешно добавил: – Да шучу я, шучу, не кипятись!

В ответ я лишь издал не то удивлённый, не то негодующий стон. Выглядел я при этом наверняка потерянно и жалко – в самый раз для такого, как я.

Только хотел что-то возразить, как над нами выросла тонкая девичья тень.

– А-а, э-эм, я-я... – Накайма-тян поглядывала то на меня, то на Юки-куна. – Простите за опоздание, сенсей! Мой автобус задержали! Мне очень жаль!

У неё был до того напуганный вид, что казалось, ещё чуть-чуть, и она заплачет: в этом мы с ней были невероятно похожи. Кончики её коротких волос были чуть завиты и довольно мило подрагивали в такт каждому её движению. С пухловатых щёк ещё не успел сойти румянец, и я не знал точно, был ли он вызван холодом, сковавшим округу, или смущением, – она до того сильно меня боялась, что порой я подходил к зеркалу и долго всматривался в своё отражение, пытаюсь понять, что же она нашла во мне такого жуткого. Попытки, увы, результатов никаких не дали, но и бросать занятия со мной она тоже не решалась, несмотря на то что однажды я ей намекнул на это.

– Всё нормально. – Я тоже кивнул, рукой показывая Юки-куну проваливать. Тот, на удивление, спорить не стал и, окинув мою ученицу оценивающим взглядом, пересел за соседний столик. Разумеется, не забыв стащить мой рюкзак и достать оттуда книгу, которую я читал последнее время. – Присаживайся. Как твой последний тест?

– А... – Она неловко достала пенал и тетрадь. – Хорошо...

Я получила восемьдесят два балла...

– Ого, поздравляю! – Я действительно был рад услышать, что она смогла получить столь высокий балл. – Ладно, на чём мы остановились?

* * *

Вместе с Накаямой-тян мы с Юки-куном вышли на промозглую улицу. Чернеющее небо было скрыто за неутрачивающим снегопадом, и зрелище это было поистине невероятным: аномальная зима бушевала уже несколько дней, и, несмотря на все неудобства, она вызывала во мне детский восторг. Я не смог сдержать лёгкой улыбки, глядя на то, как снежинки искрятся на фоне неоновых вывесок, ярких белых огней фонарей и гирлянд.

– Л-ладно, мне п-пора. – Накайма-тян поклонилась. Лицо её заалело с троекратной силой, стоило ей бросить быстрый взгляд на Юки-куна. Тот, в общем-то, не обращал на неё никакого внимания, а вместо этого любовался снегопадом и ждал, когда мы попрощаемся с ней. – До следующей недели, Хагивара-сан.

Девушка заправила непослушный локон за ухо и, на-тянув поильнее шапку, чуть ли не бегом сорвалась к остановке. За несколько месяцев занятий с ней я уже привык к такому поведению, но присутствие Юки-куна несколько напрягало:

Накайма-тян была моей ученицей, и мне бы не хотелось, чтобы кто-то считал её странной.

– А когда уже ты меня будешь учить, *сенсей*? – Он закинул мне руку на плечо, отчего я встрепенулся. Юки-кун на это только усмехнулся.

Мы вместе спустились с лестницы. От обилия частично заледеневшего снега та была скользкой, поэтому Юки-кун с силой сжал моё плечо, чтобы я ненароком не упал. Тут в кармане завибрировал телефон, и я полез за ним. На экране высветилось сообщение.

Ивасаки-кун: Йоу, вы там скоро?

Вместо того чтобы быстро набрать ему ответ, я заглянул в приложение для отслеживания автобусов. Как назло, тот жутко опаздывал из-за сильной пробки и смены графика, так что, прикинув в голове расстояние от торгового центра до университета, я шумно выдохнул, даже не пытаясь скрыть накопившуюся усталость и явное нежелание идти куда-либо.

Я: Автобуса нет, будем минут через тридцать.

Ивасаки-кун: Оки-доки!

– Всё в порядке? – Юки-кун скосил на меня взгляд.

– Да, всё хорошо. – Я попытался выдавить из себя улыбку. – Просто автобуса нет, придётся пешком идти и всё такое...

– Хм-м... ну ладно. Токио большой, – задумчиво произнёс он. – Все куда-то торопятся.

– Мгм.

Какое-то время мы шли в тишине, нарушаемой только звуками проезжающих мимо машин да людскими голосами, но тишина эта была по-своему уютной, и я практически смог расслабиться, но всё равно во всём этом вечере было жирное «но». Стоило об этом подумать, как на лицо моё легла тень и впору было бы протяжно завывать.

Это не укрылось и от Юки-куна:

– Всё же я думаю, что с тобой не всё в порядке.

– Мгм.

– Я, конечно, дух, но мысли читать не умею, – попытался пошутить он. – Если не расскажешь, то я не смогу тебе помочь.

Я сцепил пальцы в замок, рассматривая протоптанный снег под нашими ногами. Вся беда заключалась в том, что я не был любителем еженедельных собраний в лаборатории, где перед выходными подавляющее большинство однокашников устраивали вечеринку. Их не остановили даже приближающиеся экзамены, потому что ректор подписал указ о двух дополнительных выходных, на которых все рассчитывали наверстать упущенное. К тому же моя мама в очередной раз начала давить по поводу и без. В основном, конечно, из-за лекарств. В последнее время мне было тяжело их принимать, и она знала, что порой я мухлевал. Нынешний я, по сравнению с тем, который был в детстве, просто отбился от рук и вредничал больше, чем мог себе позволить, – она обещала рассказать всё отцу, а тот не позволил бы спустить

всё на тормозах. От этого внутри клокотала несвойственная для меня обида, и я чувствовал себя глупым мерзковатым ребёнком.

– Знаешь, я ведь впервые попробовал алкоголь тогда, на станции. – На сей раз я даже не смог улыбнуться.

– И как?

– Как вода. – Я пожал плечами. – Думал, что это поможет мне решиться, но, как видишь, не получилось.

Юки-кун никак это не прокомментировал, и я уже начал накручивать себя, что ляпнул лишнего. Больно закусив щёку изнутри, я всё же нашёл в себе силы посмотреть на него и мигом отвернулся, когда понял, что всё это время он не сводил с меня пристального взгляда.

– Н-ну, э-это... – Я нервно рассмеялся. – Короче, сейчас я говорю не про тот вечер. – Моя голова пошла кругом. – Просто мне бы хотелось почувствовать себя как все, понимаешь? Перестать держать себя в руках...

– Хочешь, чтобы я приглядел за тобой?

– А-ага...

– Без проблем. Если надумаешь побегать на крышу, чтобы стать птичкой, или раздеться и начать бегать на глазах у всех, то клянусь, что скручу тебя и спрячу в подсобке.

– Очень смешно, – горько отозвался я. – И ещё... если я буду не в состоянии, то сможешь через часок-другой после начала помочь мне измерить сахар?

На его лице застыло недоумение, и я поспешил добавить:

– Глюкометр у меня в рюкзаке. Там не сложно...

– Конечно. – На его губах появилась тёплая улыбка. – Для тебя, Акира-кун, всё что угодно.

Слышать нечто подобное от того, кто не приходился мне ни братом, ни отцом, было как минимум странно. Я всё ещё не мог взять в толк, почему среди всех людей Юки-кун обратил свой взгляд на меня – на столь непримечательного, занудного парня, который и гроша ломаного не стоил. Уровню его терпения я мог только позавидовать, раз он до сих пор не взвыл от уныния и скуки.

– Спасибо, – пролепетал я, бездумно глядя вперёд. Мысленно вырисовывал грядущий вечер, совершенно не зная, что он будет из себя представлять. Это вызывало во мне скомканный страх и напряжённое волнение. – Рассчитываю на тебя.

* * *

Все присутствующие взорвались от хохота.

Ну как сказать «все» – я лишь улыбнулся, как и Юки-кун. Хотя тот, стоило отметить, держался довольно расслабленно и открыто. Он сразу же пришёлся по душе Ивасаки-куну и Иномэ-сан и легко заводил с ними бессмысленные беседы. Не сказать, что я сильно этому противился, ведь в самом деле не мог же запретить ему общаться с кем-то кроме меня, но тупое ощущение одиночества так и норвило оккупиро-

вать моё сознание.

– *Кампай*²⁰! – провозгласил кто-то.

– *Кампай!* – дружно отозвались остальные и не менее дружно отпили из своих пластиковых стаканов.

На фоне играла тихая незнакомая мне песня. Иномэ-сан, сидящая по правую руку, без умолку щебетала о чём-то с девушкой напротив, и время от времени к их разговору подключались остальные. Зачастую просто вбрасывая отдельные шутки или фразы, которые, как мне казалось, порой даже не подходили к контексту.

Слова ради слов, и не более.

Несмотря на то что мои немногочисленные знакомые уводили у меня Юки-куна, корявый восторг всё же умудрялся вклиниваться в тот моток скулящего одиночества, что пустотой сковывал моё нутро: мне было сложно влиться в общую атмосферу и уж тем более поддерживать бестолковый разговор, но осознание самого факта, что я был там среди них, частично погружённый в царящее вокруг веселье, опьяняло. Радость уж больно часто менялась местами со страхом, словно алкоголь уже успел ударить по мозгам, но для такого было ещё слишком рано.

– Да-да-да-да-да! – замахал руками какой-то парень. – Я тоже подумал, что они слили концовку. Всё так классно начиналось, столько стекла заставили съесть, чтобы в конце

---

²⁰ Кампай! – это универсальный японский тост, являющийся пожеланием «пить до дна».

просто... Ну, фейспалм, короче!

– Это мы с сестрой ездили на горячие источники, ха-ха, а тут мы с моим парнем наконец выбрались в город, – верещала девушка неподалёку, показывая другой фотографии с телефона. – Он всё время в командировках, поэтому мы видимся не так часто...

– Эх, и зачем я начал учить корейский в этом семестре? – Один из парней драматично шлёпнул себя по лбу и залпом осушил свой стакан.

– А что такое? – без особого интереса поинтересовался у него другой, отправляя в рот горстку чипсов.

– В корейском же две системы числительных, и как бы ладно, что там китайский, привыкать не приходится, но чёрт, запомнить, где какая используется, – выше моих сил.

– Э-э-э?... – вмешался третий. – Это ж проще простого.

– Опять этот чудик с корейским, – шёпотом пробормотала девчонка, которая показывала фотографии своего парня.

– То есть то, что у них часы на корейском, а минуты на китайском – это норм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.